

Nadezhda Riabtseva
TRANSLATION STUDIES IN RUSSIA AND BEYOND
PART 2. A CASE STUDY

Надежда Рябцева
Переводоведение в России и за рубежом
Часть 2. Анализ эмпирического материала

Оглавление:

- 1. Main Points: Актуальные прикладные проблемы отечественного переводоведения. Характеристика эмпирического материала**
- 2. Соотношение теории и практики перевода**
- 3. Творческий характер профессиональной переводческой деятельности и современная лингвистика**
- 4. Словарь: его роль в устройстве естественного языка и в объяснении творческого характера переводческой деятельности**
- 5. Языковая способность (носителя языка) и переводческая компетенция**
- 6. Переводческие трудности и проблемы**
- 7. Язык и его лингвистическое описание в межъязыковом аспекте**
- 8. Переводческие решения и их лингвистическое описание**
- 9. Пословный перевод и словарь**
- 10. Буквальный перевод и его «антагонист»**
- 11. Переводческие «трансформации» и закономерные межъязыковые соответствия**
- 12. «Переводческие соответствия» и переводческое мышление**
- 13. Переводческие ошибки и «релевантность информации»**
- 14. Зарубежные исследования в области теории перевода**
- 15. Методика обучения переводу и его «теоретические основы»**
- 16. Контекстуальное значение слова и перевод**
- 17. Замечания частного характера**
- 18. Металингвистическая типология перевод(овед)ческих понятий**
- 19. Выводы**
- 20. Заключение**

*

*

*

1. Main Points: Актуальные прикладные проблемы отечественного переводоведения. Характеристика эмпирического материала

Важнейшей прикладной проблемой отечественного переводоведения, как указывалось в [Nadezhda Riabtseva. *TRANSLATION STUDIES IN RUSSIA AND BEYOND. PART 1. ANTHOLOGY*] выступает в настоящее время уточнение и систематизация его исходных понятий и терминологии, а также установление их связи с современной лингвистической теорией. В качестве «отправной точки», эмпирического материала исследования был выбран последний, фундаментальный труд В.Н.Комиссарова «Современное переводоведение» [2001].

В этой замечательной и предельно насыщенной ценнейшей информацией книге выдающийся ученый и практик в области перевода описывает современное состояние переводоведения, обобщает свои собственные теоретические идеи и соображения относительно научного описания процесса перевода, приводит чрезвычайно практичный, полезный и поучительный материал: множество интереснейших сведений, фактов и примеров относительно результата, процесса и сущности перевода и мн. др. Это делает книгу В.Н.Комиссарова важным вкладом в отечественное переводоведение. Книга не только очень содержательна, но и дает богатый материал для обсуждения и выделения ключевых направлений дальнейших переводоведческих исследований.

Самым ценным в книге представляется неявно проводимая в ней мысль о том, что переводческий труд не только тяжел, но и представляет собой предельно творческое занятие. Для того чтобы описать этот факт в явном виде, объяснить и представить наглядно, необходимо выделить и уточнить основные понятия, при помощи которых его можно раскрыть, а также уточнить соотношение теории и практики перевода. В качестве аппарата исследования и уточнения основных положений данной книги используется модель «Смысл – Текст» и ее исходные понятия [Мельчук 1974; 1984; Mel'čuk 1988; 1997; Апресян 1974; 1979; 1997; 2000; 2003; 2008].

Мне не раз приходилось оппонировать аспирантам В.Н.Комиссарова, и каждый раз я пыталась показать, что использование понятий модели «Смысл – Текст» могло бы помочь им в изложении материалов и результатов диссертационного исследования. Не могу сказать, что мои соображения были приняты с пониманием. Тем не менее, надеюсь, что излагаемые ниже аналогичные комментарии будут восприняты как обязательная в науке полемика и приглашение к конструктивной лингвистической дискуссии.

Зная, что мое глубочайшее уважение и любовь к замечательному и блестящему теоретику и практику перевода, В.Н.Комиссарову, разделяют все специалисты-переводоведы, хочу подчеркнуть, что память о нем будет сохраняться не только благодаря цитатам и воспоминаниям, но и в попытке развить его идеи.

2. Соотношение теории и практики перевода

Относительно современной науки о переводе в книге В.Н.Комиссарова говорится, что она *«носит не прескриптивный, а дескриптивный характер»* [Комиссаров 2001, 13, 110], чем подчеркивается творческий характер процесса перевода: «она не предписывает, как поступать». Однако, как известно, хорошая теория должна иметь не только описательный, но и объяснительный характер, с тем, чтобы ее можно было использовать на практике. В книге в этой связи отмечается, что в ней раскрывается *«сложная связь теории перевода и переводческой практики»* [Комиссаров 2001, 13].

Между тем, хорошая теория должна быть связана с практикой более непосредственно. Так, «теория интегрального описания языка» Ю.Д.Апресяна, основанная на модели «Смысл – Текст», прямо указывает, каково должно быть корректное лексикографическое (т.е. прикладное) описание лексических единиц в словаре. Соответственно, здесь можно уточнить, что теория перевода должна быть предназначена не столько для использования в практике перевода, сколько в следующих трех наиболее актуальных и нуждающихся в разработке практических областях: при **подготовке** преподавателей перевода, в практике/ процессе **преподавания** перевода и в **оценке качества** текста перевода. Так что в целом представляется, что переводоведение как практически направленное научное изучение перевода должно

так формулировать свои положения, чтобы они были непосредственно связаны с решением практических задач.

Сформулированная в книге установка: *«Профессиональная компетенция переводчика предполагает знакомство с основными положениями современного переводоведения и умение использовать их при решении практических задач»* [Комиссаров 2001, 15], показывает, что практические задачи часто вызывают проблемы в переводе и что теория перевода не дает однозначного способа их решения. При этом следует отметить, что переводоведение необходимо не столько переводчику, сколько преподавателю перевода для того, чтобы учить студентов выявлять **переводческие проблемы**, объяснять им **переводческие решения** и формировать тем самым профессиональную компетенцию будущих переводчиков – **«переводческое мышление»**.

Исходная установка книги: *«Потребность преподавания перевода как научной дисциплины возникла сравнительно недавно»* [Комиссаров 2001, 17] подчеркивает важность теоретического изучения практики перевода именно потому, что в переводе решается множество нетривиальных, творческих задач. Отсюда можно вывести главную задачу переводоведения: показать, в чем заключается нетривиальность переводческих решений т.е. их творческий характер. При этом следует учитывать, что: 1) перевод – это не научная дисциплина, а профессиональная деятельность; 2) теория перевода необходима, в первую очередь, преподавателю перевода на практических занятиях для того, чтобы **объяснять** студентам переводческие проблемы и способы их решения: тривиальные и нетривиальные.

Утверждение о том, что *«переводчики скептически относятся к роли науки о языке в исследовании особенностей переводческой деятельности»*, поскольку *«перевод – это операция отнюдь не лингвистическая, и языкознание мало что может дать теории перевода»* [Комиссаров 2001, 25], с одной стороны, показывает, что переводчики в полной мере осознают всю сложность своей работы и сомневаются в возможности объяснения ее творческого характера, а с другой стороны, нуждается в уточнении.

Во-первых, переводчики скептически относятся к роли науки о языке не в исследовании особенностей переводческой деятельности, а в объяснении переводческой практики, поскольку, действительно, ее творческий характер пока не получил лингвистического объяснения.

Во-вторых, они так считают потому, что теория перевода недостаточно связана с практикой перевода, особенно с объяснением ее творческого компонента.

В-третьих, языкознание и теория перевода нужны не столько профессиональным переводчикам, сколько преподавателям перевода, для того, чтобы, как уже указывалось, учить студентов выявлять переводческие проблемы, принимать переводческие решения и оценивать получаемый результат – текст перевода.

В.Н.Комиссаров, подчеркивая важность теоретического осмысления перевода как чрезвычайно сложного и творческого явления, указывает, что оно *«оказывает обратное влияние на переводческую практику, облегчая и обогащая ее»*, тем не менее, *«не любые теоретические концепции могут быть прямо использованы на практике»* [Комиссаров 2001, 109]. С тем, чтобы более явно отразить связь теории и практики перевода, здесь следует подчеркнуть следующие моменты. Теория перевода как дисциплина, вскрывающая сущность соответствующего явления, представляет собой преимущественно прикладную дисциплину. Ее основная цель – такое объяснение процесса и результата перевода, которое можно и нужно применять на практике, причем, в первую очередь, в практике **обучения** будущих переводчиков. Ясно, что профессиональному переводчику мало дела до того, как его деятельность

описывается теоретически. Соответственно, переводоведческие теоретические концепции предлагается подвергать такому анализу, который бы позволил определить, что в них может быть использовано в процессе обучения переводу и оценке качества текста перевода.

В книге также отмечается, что *«Задача общей теории перевода заключается прежде всего в исследовании тех конституирующих факторов, которые лежат в основе всех многообразных актов перевода, позволяя их относить к единому виду деятельности»* [Комиссаров 2001, 112]. Здесь следует добавить, что при этом необходим «инструмент» исследования – **система исходных понятий**, при помощи которых можно последовательно и непротиворечиво объяснять процесс перевода и оценивать его результат. Так, в книге отмечается, что *«одним из центральных понятий теории перевода является понятие «эквивалентность перевода», которое обозначает относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества»* [Комиссаров 2001, 113]. Здесь можно отметить, что «эквивалентность перевода» это, скорее всего, центральная **проблема** перевода, описать, объяснить и оценить которую необходимо на основе более простых исходных понятий, в первую очередь, отражающих содержание текста (оригинала и перевода) и средств его выражения (в оригинале и переводе). Используемые при этом в книге понятия *«переводческая эквивалентность»* и *«переводческие соответствия»* [Комиссаров 2001, 116], подчеркивающие «субъективность» и закономерности в переводческих решениях, можно «развести», например, используя понятия «межъязыковые соответствия» и «переводческое решение».

В целом можно сказать, что в теорию перевода можно ввести следующие обобщающие задачи: объяснение процесса перевода в лингвистических терминах, преподавание практики перевода, систематизация закономерностей в межъязыковых соответствиях и установление объективных/ формальных критериев оценки качества перевода. Все эти взаимосвязанные задачи могут придать переводоведению более практически направленный смысл и повысить ее объяснительную силу.

Соответственно представляется, что важным практическим направлением дальнейших исследований в области переводоведения будет ориентация на **объяснение** следующих вопросов: 1) почему перевод – это профессиональная деятельность, требующая профессиональной подготовки; 2) почему переводческий труд в значительной степени носит творческий характер; 3) как следует обучать профессиональному переводу; 4) какие объективные критерии должны лежать в оценке качества перевода; 5) какие исходные понятия следует использовать в переводоведении и, соответственно, в практике обучения переводу и оценке качества перевода.

Так, важнейшими собственно переводоведческими понятиями при этом представляются: **переводческая проблема, переводческое решение и переводческое мышление**. Их главное достоинство состоит в том, что, в отличие от понятий «переводческая эквивалентность» и «переводческие соответствия», они могут быть строго, однозначно и объективно определены.

3. Творческий характер профессиональной переводческой деятельности и современная лингвистика

Как уже отмечалось, в книге неоднократно подчеркивается, явно или неявно, *«творческий характер переводческой деятельности»* [Комиссаров 2001, 108]. Наиболее ярко он проявляется в художественном переводе, анализу которого посвящено много разнообразных и интересных исследований. Их сущность можно выразить словами К.Чуковского, пронизательно и четко охарактеризовавшим сущность

переводческой деятельности: «Задача переводчика, если только он настоящий художник, заключается именно в том, чтобы возможно чаще отыскивать такие соответствия иностранного слова, какие не могут вместиться ни в одном словаре» [Чуковский 1988, 83]. Таким образом, центральным лингвистическим понятием, с помощью которого можно (и нужно) объяснять творческий характер процесса перевода, выступает «словарь», в чем мы еще не раз сможем убедиться.

Так, в книге [Комиссаров 2001, 80] справедливо отмечается, что *«профессиональная компетенция переводчика не сводится к владению двумя языками»*, она подразумевает *«умение находить и соотносить коммуникативно равноценные средства этих языков с учетом особенностей конкретного акта общения, а также знание принципов, методов и приемов, создающих это умение»*. Главное из них заключается в том, чтобы не стремиться *«к максимальному уподоблению перевода оригиналу»* [Комиссаров 2001, 81]. Эту мысль можно выразить проще: в подготовке переводчиков главную роль приобретает понятие **пословного перевода**. Это объясняется тем, что именно пословный перевод отличает непрофессионального переводчика от профессионала, и именно понятие пословного перевода позволяет сформулировать принципы, на основе которых должен строиться профессионально выполненный перевод. При этом понятие пословного перевода определяется на основе понятия **словаря**: пословный перевод – такой, когда каждое слово переводится своим словарным эквивалентом (а это чаще всего происходит, если не учитывается контекст) [Рябцева 2008; 2009б].

В качестве одной из центральных проблем теории перевода в книге выделяется *«понятие переводческой эквивалентности»* [Комиссаров 2001, 13], чем также подчеркивается творческий характер переводческого труда: именно переводчик устанавливает такую эквивалентность, которая нигде «не прописана». Но понятие «переводческой эквивалентности», во-первых, подразумевает выделение (или существование) какой-то другой, «не-переводческой» эквивалентности (которая в книге не указывается), и, во-вторых, требует опоры на лингвистическую реальность (тексты или языки оригинала и перевода), чтобы объяснить, чем «переводческая эквивалентность» отличается от «не-переводческой». При этом эквивалентность оригинала и перевода (которую в целом, как представляется, нельзя назвать «переводческой эквивалентностью») определяется как *«максимальная близость перевода к оригиналу и как сохранение какой-то инвариантной части содержания»* [Комиссаров 2001, 13]. Здесь, во-первых, понятие максимальной близости логически требует математических методов вычисления степени близости текстов: от минимальной до максимальной, и, во-вторых, понятие «(какая-то) инвариантная часть содержания» требует точного определения. В книге есть сходная формулировка: при использовании текста перевода предполагается, что он *«и содержательно, и структурно адекватно воспроизводит оригинал»* [Комиссаров 2001, 110].

Между тем, в терминах модели «Смысл – Текст» соответствующую идею можно выразить проще: текст перевода должен быть эквивалентным по смыслу тексту оригинала и выражать этот смысл (языковыми) средствами, адекватными средствам, при помощи которых он выражается в тексте оригинала.

4. Словарь: его роль в устройстве естественного языка и в объяснении творческого характера переводческой деятельности

Творческий характер переводческой деятельности подчеркивается в книге В.Н.Комиссарова и введением понятия *«переводческие соответствия»*, под которым понимаются *«единицы языка перевода (ПЯ), которые регулярно используются*

для передачи значения определенных единиц исходного языка (ИЯ)» [Комиссаров 2001, 14], и в котором отражается тот факт, что переводчик использует не только «принятые» (другими переводчиками?) «регулярные» соответствия, но и может найти какое-то новое, «нерегулярное» соответствие. При этом в приведенном определении по меньшей мере три понятия нуждаются в дефиниции или разъяснении: единицы языка перевода; регулярное использование, (определенные) единицы исходного языка.

Между тем, менее субъективным представляется понятие «межъязыковые соответствия», которые 1) можно объективно установить, и главным средством их установления будет двуязычный словарь; 2) в качестве онтологического субстрата опираются на устройство языка, в частности, на его состав: словарь и грамматику, что позволяет их объективно и последовательно выявлять, описывать и тем самым объяснять закономерности в их установлении; 3) опираются на понятия семантики и прагматики языка, и тем самым отражают закономерности его функционирования.

Вывод 1.

Таким образом, можно сказать, что главным исходным лингвистическим понятием в описании не только переводческой, но и любой другой языковой/речевой деятельности является понятие словаря. В целом понятие словаря является исходным в описании: 1) естественного языка; 2) любой языковой/речевой деятельности; 3) межъязыковых соответствий; 4) переводческой деятельности. Это объясняется тем, что понятие словаря прямо связано со смежными с ним исходными понятиями, описывающими устройство естественного языка и его функционирование, ср.: словарь – грамматика, семантика – прагматика. Кроме того, строго определенное в лингвистике понятие словаря порождает строгую систему производных от него терминов: словарное значение слова – контекстуальное значение слова; исходное словарное значение слова – производное значение слова; значение слова в одноязычном словаре (= толкование) – значение слова в двуязычном словаре (= межъязыковой эквивалент/соответствие). И действительно, ведь именно указание на использование или не-использование словарного эквивалента является важнейшим, самым объективным и наиболее показательным способом описания переводческого решения.

NB. Следует отметить, что понятие словаря активно использовалось в переводе вплоть до 1975 г. (см., например, [Чуковский 1988; Федоров 1968; Бархударов 1975; Рецкер 1974] и мн. др.), но затем, по субъективным/«идеологическим» причинам (см. Н.К.Рябцева. Часть 1. TRANSLATION STUDIES IN RUSSIA AND BEYOND. PART 1. ANTHOLOGY) стало избегаться. Одним из самых последовательных зарубежных специалистов, использующих понятие словаря в своей теории и практике, является Питер Ньюмарк (см., например, [Newmark 1993]).

5. Языковая способность (носителя языка) и переводческая компетенция

В книге [Комиссаров 2001, 24] совершенно правомерно отмечается, что в большинстве фундаментальных работ по лингвистике отсутствует даже упоминание о переводе как об объекте лингвистического исследования, хотя широко распространенная практика межъязыковой коммуникации требует ее теоретического осмысления, «важность которого Р.Якобсон подчеркивал еще в первой половине 20 в.». И действительно, ориентация современной лингвистики на преимущественно

интраязыковые процессы делает ее недостаточно эффективной в объяснении межъязыковых соответствий, что не только значительно обедняет саму лингвистику, но и не позволяет широко применять полученные в ней результаты в анализе ситуации межъязыкового общения.

Тем не менее, в языкознании в рамках модели «Смысл – Текст» разработано предельно конструктивное понятие «языковая способность (носителя языка)», которое приложимо и к межъязыковой коммуникации. Причем попытка его сформулировать в виде утверждения «Коммуникативная способность владеющих языком включает, помимо языкового знания, умение интерпретировать языковое содержание высказывания и выводить из него контекстуальный и имплицитный смысл» [Комиссаров 2001, 62], при минимальных уточнениях и преобразованиях превращается в точную его формулировку в модели «Смысл – Текст»: Языковая способность носителя языка включает способность извлекать из речи (заданный в ней) смысл (независимо от средств его выражения, эксплицитных и имплицитных) и выражать заданный смысл разными/ синонимическими способами (ср. [Апресян 1995, т.1, 11; т.2., 9]).

Утверждение о том, что «*Основные трудности, с которыми сталкивается переводчик, связаны с особенностями языков и способами их использования для наименования объектов и описания ситуаций*» [Комиссаров 2001, 31], как справедливое и важное, нуждается в дальнейшем уточнении. Во-первых, трудности (с которыми сталкивается переводчик) связаны не только с двумя этими «способами», а особенности языков – это как раз самый важный и центральный вопрос не только переводоведения, но и лингвистики в целом. Причем он может быть уточнен в виде понятия «**устройство** (естественного) **языка**», в котором особо значимую роль играет **асимметрия** языка и всех составляющих его элементов.

При этом описание проблем, с которыми столкнулся машинный перевод, как «*неумение создать такую программу, которая позволила бы машине столь же успешно преодолевать многочисленные переводческие трудности, как это делает человек*» [Комиссаров 2001, 27], показывает, что творческий компонент в переводе может быть описан в виде понятия «переводческие трудности/ проблемы». Ясно, что явное исчисление «переводческих трудностей» и их определение позволит приблизить теорию перевода к практике его преподавания. При этом опыт реализации систем машинного перевода здесь может оказаться весьма кстати, ведь в нем точно и четко определены проблемы в формализации установления межъязыковых соответствий. Это **асимметрия естественного языка, которая проявляется в неоднозначности/ многозначности языка (на всех уровнях) и идиоматичности его использования.**

Представление о творческом характере процесса перевода содержится и в следующем положении книги: «*В современном переводоведении существует несколько (теоретических) моделей перевода, что предполагает возможность осуществлять процесс перевода разными способами*», причем «*часть переводческого процесса осуществляется переводчиком интуитивно*» [Комиссаров 2001, 37]. Здесь подразумевается, что один и тот же текст можно перевести по-разному, т.е. переводчик осуществляет некоторый *выбор* в процессе перевода, что уже является решением творческой задачи, и во-вторых, что он часто делает это автоматически, благодаря полученным в процессе обучения знаниям и опыту работы.

То, что переводчик не нуждается в объяснении своих собственных действий, вполне естественно; не менее естественно и то, что, найдя переводческое решение, он в большей или меньшей степени автоматически запоминает «алгоритм» его поиска и выбора. Тем самым происходит не только «самонаучение», но и пополнение,

совершенствование переводческой компетенции. Отсюда следует, что практически ориентированное переводоведение должно особо выделить именно те случаи, когда переводчик действует «интуитивно», описать их и использовать в обучении практике перевода, поскольку именно эти случаи и касаются наиболее творческих сторон переводческой деятельности. Соответственно, нуждается в уточнении и понятие «**переводческой компетенции**», с тем, чтобы включить в него в явном виде представление о творческом характере профессиональной переводческой деятельности.

Вывод 2.

Языковая способность носителя языка заключается в овладении (на подсознательном уровне) языком (его «устройством») и его использованием, т.е. в знании словаря, грамматики, семантики и прагматики языка. Переводческая компетенция при этом формируется в значительной степени сознательно и на основе овладения профессиональными лингвистическими знаниями об устройстве языка (его асимметрии в семантике, словаре, грамматике и прагматике) и идиоматичности его использования, особенно в межъязыковом аспекте.

Семантика и прагматика языка, т.е. его использование, имеют в межъязыковом аспекте свои особенности.

Семантика языка в межъязыковом аспекте

Все языки, как справедливо отмечается в книге, *«состоят из двусторонних единиц, обладающих звучанием и значением»*, и *«обладают словарным составом и грамматическим строем»* [Комиссаров 2001, 32]. Эти положения могут быть последовательно развиты так, чтобы дать четкое представление будущему переводчику о том, как **устроены** языковые средства любого языка и тем самым сам **язык**, какие между ними существуют отношения (т.е. отношения асимметрии), как они взаимодействуют в речи (т.е. идиоматичность их использования), и как можно использовать соответствующие знания в переводе, что позволит приблизить теорию перевода к переводческой практике.

Справедливы и выделяемые в книге три типа трудностей, с которыми чаще всего сталкивается переводчик в своей деятельности: *«специфичность семантики языковых единиц»*, *«несовпадение «картин мира», создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности»*, и *«различия самой этой реальности»*, а также утверждение о том, что *«переводчику приходится постоянно решать, значения каких единиц языка перевода наиболее соответствуют содержанию оригинала»* [Комиссаров 2001, 31]. Иными словами, главный вопрос здесь – какие средства языка перевода способны выразить заложенный в **тексте** оригинала **смысл**.

При этом самыми главными из названных В.Н.Комиссаровым являются проблемы, связанные со «специфичностью семантики» языковых единиц и с принятием переводческого решения. Причем описание последнего явления представляет собой почти точную формулировку идеи, которая содержится в модели «Смысл–Текст», а описание первого может быть уточнено следующим образом: семантика любого языка, как и все остальные его уровни, в значительной степени **лингвоспецифична**, хотя и в ней есть универсальные черты.

Следующим шагом должна быть точная формулировка соответствующих переводческих проблем и способов их решения. Так, в книге справедливо подчеркивается, что *«каждый язык по-своему членит действительность»*, *«что составляет лингвистическое препятствие в переводе»* [Комиссаров 2001, 31]; например, русским *собака* и *пес*, *лошадь* и *конь* в английском соответствуют *dog* и *horse*, *«что*

ставит перед переводчиком особые проблемы при выборе варианта перевода). Далее эту мысль можно продолжить: как назвать эти «особые» проблемы? Какие способы их решения возможны/ предпочтительны? Как их назвать? Ответы на данные вопросы позволят представить переводческие проблемы в явном и обобщенном виде, а также покажут возможность их идентификации и способы их решения по аналогии.

В качестве одной из важнейших переводческих трудностей в книге указывается неоднозначное соответствие между понятием и значением слова (в данном языке): *«Если понятие «остров» легко определяется как «часть суши, со всех сторон окруженная водой», то для полной характеристики значения русского слова «остров» это окажется недостаточно. Подобное определение не объяснит возможность таких, например, сочетаний, как «зеленые островки в пустыне», «остров тишины в городе», «острова сопротивления» и т.п.»*. При этом *«различия в значении слов разных языков... вызывают немалые переводческие трудности»* [Комиссаров 2001, 40]. Отсюда следует, что центральным понятием в описании соответствующей переводческой проблемы будет «значение слова», которое соотносится с такими понятиями, как словарь, толкование, многозначность и типы значений: прямое, переносное, производное и т.д. Следует еще раз подчеркнуть важность понятия «словарь» как важнейшего компонента в устройстве языка при объяснении переводческих проблем.

В книге справедливо отмечается, что *«Трудности перевода могут возникать в связи с тем, что в оригинале называются какие-то явления, отсутствующие»* в культуре языка перевода: что такое русское *степь*? что значит у Пушкина *Помещица «брила лбы»?*, как выглядят *marshes?*, и мн. др. [Комиссаров 2001, 31]. Здесь следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет о двух разных явлениях: «передача реалий» и «**восполнение фоновых знаний**» (которыми носители языка перевода не обладают). Эти две проблемы получили довольно подробное освещение в современном переводоведении, следует только отметить, что одной из перспектив их дальнейшего развития является идентификация всех случаев, которые подпадают под эти две категории переводческих трудностей, их классификация и типологизация, а также обнаружение случаев их совмещения.

В книге совершенно правильно указывается, что *«языки обладают множеством универсальных свойств»* [Комиссаров 2001, 32]. Здесь следует добавить главное из них: «способность выражать любой (дискурсивный) смысл», что и делает перевод с одного языка на другой не только возможным, но и вполне естественным явлением. При этом утверждение о том, что *«Одним из примечательных проявлений универсального характера человеческого языка и мышления является врожденная способность любого человека овладеть любым языком»* [Комиссаров 2001, 32] может быть уточнено и дополнено. Дело в том, что в первую очередь следует обратить внимание на способность любого человека овладеть своим родным языком, и особенно на то, из чего состоит **способность носителя языка** владеть родным языком. Именно на основе этого можно последовательно, непротиворечиво и конструктивно задавать программу обучения иностранному языку и переводу, а также объяснять закономерности, лежащие в основе этих процессов.

Межъязыковые соответствия

В книге подчеркивается, что *«переводческая практика показывает возможность коммуникативного приравнивания отрезков разноязычных текстов, несмотря на несовпадение значений составляющих их языковых единиц»* [Комиссаров

2001, 34]. При этом подразумевается «нестандартность» межъязыковых соответствий, трудности в их установлении и определении. Соответственно, для уточнения и развития этой идеи необходимо уточнить или раскрыть понятия «**устойчивые межъязыковые соответствия**», коммуниктивно равноценные высказывания, «контекстуальное значение языковой единицы» и др.

В книге очень удачно показано, что для передачи различных отклонений от нормативной речи (диалектизмов, жаргонизмов, речи иностранцев и т.п.) «*используются стандартные приемы их условного изображения*» [Комиссаров 2001, 83]. Соответствующие закономерности можно назвать «**условные межъязыковые соответствия**», которые должны стать одним из видов межъязыковых соответствий, полный перечень которых, их системное представление, и составит обязательные профессиональные знания в подготовке переводчиков.

В книге подчеркивается, что «*В теоретическом плане большой интерес представляют многочисленные случаи, когда переводчик ... расширяет коммуникативные возможности языка перевода, используя такие стандартные приемы перевода, как заимствования, кальки, дословный перевод и т.д.*» [Комиссаров 2001, 35]. Здесь можно уточнить, что эти приемы важны не только в теоретическом плане, но и в практическом. Особо следует отметить важность **дословного/ буквального перевода** как способа уяснения значения исходного выражения – этапа, необходимого в процессе перевода фрагментов текста, не поддающихся «прямому» (т.е. «словарному», пословному) переводу.

В книге справедливо отмечается, что «*Произвольность языкового знака предопределяет его асимметрию: одна форма может иметь несколько связанных между собой значений*» [Комиссаров 2001, 42]. Эту мысль следует продолжить: «а одно значение может быть выражено разными формами/ знаками», и тогда получится точная формулировка основной идеи модели «Смысл – Текст». Причем эта формулировка чрезвычайно важна в межъязыковом отношении: **смысл**, заложенный в тексте оригинала, может быть выражен (несколькими) **разными** языковыми средствами языка перевода, и **выбор** наиболее адекватного из них и представляет собой наиболее творческий момент в переводческой деятельности.

Идиоматичность языка в межъязыковом аспекте

В качестве серьезной переводческой проблемы в книге тонко подмечается различная значимость близких по значению слов в разных языках: «*значение слова «лошадь» ограничивает значение слова «конь» и наоборот*», и поэтому «*победитель въезжает в покоренный город на белом коне, а не на лошади*» [Комиссаров 2001, 42]. Эту мысль следует уточнить: значимость (близких по значению слов в разных языках) более всего проявляется в (различной) **сочетаемости** соответствующих единиц, точнее, в ограничениях на их сочетаемость, которая, в свою очередь, представляет собой **идиоматичность** (их употребления) в широком смысле.

Следует подчеркнуть, что именно понятие идиоматичности является одним из центральных в модели «Смысл – Текст», и должно стать центральным понятием и в описании процесса перевода. В переводоведении оно используется только в узком смысле и потому весьма ограниченно. Так, в книге [Комиссаров 2001] оно употребляется не более 10 раз. Причем в одном месте очень кстати: «*Если нарушение нормы языка <перевода> делает речь неправильной, неграмматичной, то нарушение узуса делает ее неестественной, неидиоматичной*» [Комиссаров 2001, 43]. Здесь, правда, следует отметить, что идиоматичность в широком смысле включает в себя и грамматическую, и лексико-грамматическую, и лексическую, и фразеологи-

ческую сочетаемость. Соответственно, предупреждение, что «соблюдение узуса требует от переводчика особой бдительности» (там же), также может быть уточнено: требует знания об особо важном свойстве языка – требовании идиоматичности выражения заданного смысла в речи, делающей речь (текст перевода) и «правильной», и естественной.

Прагматика языка в межъязыковом аспекте

В книге правомерно отмечается, что *«речь имеет социальную основу и обладает общими закономерностями, что весьма важно для переводоведения»* [Комиссаров 2001, 45], и, можно добавить, для практики преподавания перевода. Продолжая данную мысль, добавим, что выявление таких общих закономерностей и обучение их установлению в межъязыковом аспекте позволит переводчику легче преодолевать многочисленные трудности, которые будут встречаться в его работе. В лингвистике речевые закономерности относятся к **прагматике** языка. Соответственно, помимо знаний об **устройстве языка, его словаря, грамматики и семантики**, преподавателю перевода необходимы знания о **прагматике** языка – особенностях и закономерностях его использования в речи.

В прагматическом отношении минимальной единицей речи является высказывание. В отличие от единиц языка, оно обладает не только формой и значением, но еще и коммуникативным намерением/ смыслом/ целью (иллокутивной силой), которое непосредственно связано с коммуникативной ситуацией. При этом одно и то же высказывание в различных коммуникативных ситуациях может выражать различные коммуникативные намерения/ смыслы, и одно и то же коммуникативное намерение может быть выражено разными средствами/ способами/ высказываниями. Так, в книге справедливо отмечается, что *фраза «Перт срубил дерево» может выражать и похвалу, и осуждение, и удивление* [Комиссаров 2001, 58]. Из этого делается заключение, что *«конкретно-контекстуальный смысл высказывания является главным содержанием большинства актов речевого общения»*, и что *«Возможность описывать с помощью одного и того же набора языковых единиц множество конкретных ситуаций значительно расширяет коммуникативные потенциалы языка»* [Комиссаров 2001, 58].

Здесь можно внести следующее уточнение. Всякое высказывание в речи имеет коммуникативный/ ситуативный смысл; возможность выразить один и тот же коммуникативный смысл разными языковыми средствами, а также способность одних и тех же языковых средств выражать разные коммуникативные смыслы/ намерения является важнейшей характеристикой любого естественного языка, проявляющей его универсальность, гибкость и асимметрию. При этом важно, что в каждом языке сложились свои, наиболее типичные способы выражения заданного коммуникативного смысла, которые можно отнести к области **идиоматичности речи**. Знание соответствующих устоявшихся, общепринятых и т.д. средств выражения заданного (коммуникативного) смысла в языке оригинала и перевода, и их соответствий является важнейшим условием адекватности перевода. Ср., например, англ. *Fragile!* и русск. *«Осторожно, стекло!»*.

6. Переводческие трудности и проблемы

Серьезные проблемы, с которыми сталкивается переводчик в своей работе, подразумеваются в следующем утверждении: *«Нет никаких оснований требовать от межъязыковой коммуникации, чтобы она осуществлялась без каких-либо по-*

ть информации, столь характерных для коммуникации «однойзычной». В современном переводоведении признается принципиальная переводимость релевантной части содержания оригинала при возможных опущениях, добавлениях и изменениях отдельных элементов передаваемой информации» [Комиссаров 2001, 49].

Здесь важно отметить, что для объяснения процесса перевода необходимо или точное определение понятий «релевантная часть содержания оригинала» и «элемент передаваемой информации», или их замена на более прозрачные понятия. Кроме того, как известно (ср. [Подольская 1998]), в реальной переводческой практике наблюдается большое количество опущений, добавлений и «изменений» в тексте перевода по сравнению с текстом оригинала, что чаще всего связано с субъективным началом перевода, а не с объективными причинами.

В целом переводческие проблемы можно сформулировать в более явном виде следующим образом: 1) Между языковыми средствами языка оригинала и языка перевода отсутствуют однозначные соответствия, поэтому перевод, полностью идентичный оригиналу, невозможен. 2) Однако в любом языке можно выразить любую мысль, причем несколькими, синонимичными способами. 3) Выбор средств в языке перевода, наиболее адекватно выражающих заданную в оригинале мысль, представляет собой главную творческую проблему перевода. 4) Какие бы средства ни были выбраны переводчиком для передачи смысла оригинала, они или будут нести некоторую дополнительную информацию, и/ или не передадут весь объем выраженной в оригинале информации, или заменят некоторую информацию на некоторую другую: более общую, частную или аналогичную. 5) **Перевод всегда «асимметричен» оригиналу**: и по форме, и по содержанию, уже хотя бы потому, что, как известно, в каждом языке есть смыслы, выражение которых обязательно, или которые не имеют специальных средств выражения.

Сложность мыслительных операций переводчика в процессе перевода описана в книге [Комиссаров 2001, 49] следующим образом: *«Переводчик извлекает сообщение из высказывания <на языке оригинала> и создает новое высказывание на языке перевода»*, предназначенное для адресата перевода, *«который способен извлечь из него передаваемую информацию»*. Если в данном описании заменить «сообщение» и «информация» на «смысл», а слово «который» на «так, чтобы», то мысль о нетривиальности переводческой деятельности станет более явной. Ведь извлечение смысла из речи – обязательное условие ее понимания, требующее одних умственных усилий, а выражение ее на другом языке так, чтобы она была понятна получателю перевода – обязательное условие качества перевода, требующее других умственных усилий, в частности, учета фоновых знаний адресата перевода (которые можно назвать «учет фактора адресата») и мн. др.

При этом в книге специально отмечаются *«особенности коммуникативного поведения переводчика»*, которые заключаются в том, что он *«вынужден понимать переводимый текст более глубоко, чем это обычно делает «нормальный» читатель»*. При этом *«Такая дополнительная глубина понимания связана с необходимостью, во-первых, делать окончательные выводы о содержании текста и, во-вторых, учитывать требования языка перевода»* [Комиссаров 2001, 151].

Здесь можно внести следующие уточнения. Во-первых, понимание текста оригинала переводчиком действительно носит особый характер, который можно назвать **«профессиональное понимание/ анализ текста оригинала»**. Во-вторых, умение профессионально анализировать текст свойственно целому ряду специальностей: редакторам (занимающимся «улучшением» текста), информационным работникам (занимающимся «сокращением» текста: его аннотированием, реферированием и т.п.), дидактикам (занимающимся адаптацией текста в учебных целях), кри-

тикам, рецензентам, комментаторам и т.п. (занимающимся разбором, интерпретацией, осмыслением и оценкой текстов) и т.д. Установление особенностей их профессиональной деятельности и их обобщение позволяет более точно описывать и процесс перевода. В-третьих, все эти виды специальной/ профессиональной деятельности направлены на «преобразование» исходного текста. В-четвертых, сущность профессиональной обработки текста специалистами такого рода можно охарактеризовать как «специальный/ содержательный анализ текста с целью его преобразования», важнейшей отличительной чертой которого выступает необходимость анализа соотношения смысла текста и средств его выражения [Рябцева 1986, 94–97]. В-пятых, в дидактике перевода это явление не совсем удачно называется «предпереводческий анализ текста» или «интерпретация текста», а более соответствующим этому явлению названием, позволяющим раскрыть его специфику, представляется понятие **метапонимание/ профессиональное понимание текста**.

Отмечаемая в приведенной выше цитате «дополнительная глубина понимания» далее объясняется, в частности, потребностью в «дополнительной информации», которая нужна переводчику для того, чтобы корректно передать содержание текста оригинала. Например, выражение «яркая речь» по-английски можно выразить эпитетами brilliant, impressive или vivid, и «*выбор будет зависеть от того, имеется ли в виду убедительность, образность или живость речи*» [Комиссаров 2001, 151]. Такую информацию можно извлечь только из более широкого контекста и в процессе специального анализа текста – его метапонимания.

Таким образом, метапонимание текста составляет обязательный компонент специальной/ профессиональной речевой деятельности, которое заключается в осознании и характеристике мысли автора и средств ее выражения, т.е. в **рефлексии** субъекта специальной/ профессиональной речевой деятельности над объектом этой деятельности [Рябцева 2005], и, кроме того, подразумевает владение специальной/ профессиональной информацией – **метаинформацией**: лингвистическими и экстралингвистическими (предметными) знаниями, позволяющими сознательно эксплицировать мысли автора, содержащиеся в тексте имплицитно. Смыслом метапонимания текста переводчиком в процессе его профессиональной деятельности является установление сложных для перевода случаев – выявление переводческих проблем, важная из которых заключается в неоднозначности перевода – в возможности **нескольких переводческих решений** [Рябцева 1986, 107]. Соответственно, в практике (и теории) перевода особую роль играют случаи **однозначных межъязыковых соответствий**, которые бывают разных типов и видов (см. об этом ниже).

7. Язык и его лингвистическое описание в межъязыковом аспекте

О потенциальных возможностях языка в выражении заданного смысла говорится в следующем высказывании, из которого следуют возможности его выражения в другом языке: «*И в одном языке языковое содержание высказывания может варьироваться, сохраняя в разной степени инвариантный смысл*» [Комиссаров 2001, 63]. В данном высказывании требуют уточнения следующие понятия: языковое содержание (высказывания), варьирование, инвариантный смысл. Более точно эта мысль выражена в следующем высказывании: «*Один и тот же смысл может быть выведен из разных языковых структур*» [Комиссаров 2001, 71]. Однако в более общем виде и в терминах модели «Смысл – Текст» соответствующую мысль можно сформулировать проще: «один и тот же смысл можно выразить в (любом) языке несколькими разными (синонимичными) способами». Из этого поло-

жения следует, что если в языке перевода данную мысль нельзя выразить средствами, наиболее точно соответствующими тем средствам, при помощи которых она выражается в оригинале, то ее можно выразить другими способами, не менее адекватно передающими ее содержание.

Например, если выражение «Береженого Бог бережет» не имеет точного («пословного») соответствия в другом языке, то содержащуюся в нем мысль можно выразить аналогичным ему по смыслу выражением, т.е. передающим ту же мысль, и потому синонимичным ему в широком смысле, высказыванием, ср. англ. *God helps those who help themselves; Better to be safe than sorry* [Лубенская 1997, 13]. Причем соответствующее утверждение касается, естественно, не только идиом и пословиц, и потому имеет непосредственное отношение к творческому характеру переводческой деятельности: найти в другом языке (синонимичные) средства, наиболее точно передающие данную мысль и аналогичные средствам, при помощи которых она выражена в оригинале.

В книге неоднократно подчеркивается, что одна из важных и трудных задач переводчика состоит в сохранении в переводе *«того же воздействия на читателя, которым обладает оригинал»*, в передаче *«общего впечатления, производимого оригиналом»*, в достижении *«одинаковой реакции читателей оригинала и перевода»*, *«желаемого воздействия»* на получателя перевода и т.п. [Комиссаров 2001, 106, 107, 135, 136]. Для описания указанного воздействия или впечатления в современной семантике используется понятие **прагматической информации**, которое позволяет выразить указанную мысль, не прибегая к понятиям «воздействие» и «впечатление», требующим не только точного определения, но и объективных способов их идентификации; а именно: в тексте перевода прагматическая информация, содержащаяся в тексте оригинала, должна быть не только сохранена, но и выражена идиоматично, т.е. средствами, обычно/ типично/ стандартно используемыми для ее выражения в языке перевода. Наиболее типичным средством воплощения прагматической информации выступает иллокутивная сила высказывания, его коммуникативный смысл. Это лингвистическое понятие имеет большую объяснительную силу по отношению к широкому кругу переводческих проблем, позволяя описывать их единообразно и комплексно.

Так, в книге в качестве важного способа демонстрации творческого характера переводческой деятельности используется прием сравнения оригинала (художественного произведения) и его перевода, и делается заключение, что *«Степень смысловой близости к оригиналу у разных переводов неодинакова, и их эквивалентность основывается на сохранении разных частей содержания оригинала...»*. Так, есть *«переводы, где близость к оригиналу будет минимальной»*; например, *«в одной английской пьесе оскорбленная жена говорит мужу: «That's a pretty thing to say», а переводчик переводит: «Постыдился бы»* [Комиссаров 2001, 119]. В данном случае очень точно подмечено, что **фраза в переводе почти не является переводом.**

Однако при этом выражения «разные части содержания оригинала» и «минимальная близость к оригиналу» требуют определения и уточнения. Так, видно, что ни одно слово из фразы оригинала не передано своим **словарным** эквивалентом. Соответствующую ситуацию можно описать следующим образом. В английском языке указанная фраза является идиоматичным (стандартным/ обычным/ типичным) средством выражения упрека, и в русском языке ей соответствует (использованная переводчиком) не менее идиоматичное выражение, имеющее тот же коммуникативный смысл/ иллокутивную силу. Подобные соответствия можно определить как **коммуникативно/ прагматически равноценные межъязыковые соответствия**, которые можно также назвать **коммуникативными/ прагматическими ана-**

логами. Их важной особенностью является их коммуникативное тождество; такие соответствия в большинстве случаев не отражены в двуязычных словарях и устанавливаются переводчиком на основе «коммуникативного опыта», которым он обладает как носитель языка перевода. Его профессиональные знания при этом должны включать положение о том, что соответствующие выражения следует **не столько переводить**, сколько использовать при переводе текста коммуникативно/ прагматически **равноценные** им выражения/ высказывания, идиоматично передающие заданный коммуникативный/ иллокутивный смысл в языке перевода. Ср. понятие прагматемы/ прагматической фраземы в [Иорданская, Мельчук 2007, 228].

Примеров, подпадающих под описанный таким образом случай, в книге очень много, и каждый раз они интерпретируются по-разному. Их унифицированное и обобщенное описание позволяет их систематизировать и привести к одному «знаменателю»: указать общие правила установления межъязыковых соответствий: то, что (типично/ идиоматично) говорят носители языка оригинала в данной коммуникативной ситуации, следует передавать **аналогично**: так, как (типично/ идиоматично) говорят в данной коммуникативной ситуации носители языка перевода, т.е. использовать коммуникативно равноценные аналоги.

Например, в книге справедливо отмечается, что *русскими аналогами англ. пословицы A rolling stone gathers no moss будут выражения типа «Кому на месте не сидится, тот добра не наживет», «По свету бродить, добра не нажить», «По свету шататься, бедняком остаться»* [Комиссаров 2001, 122]. Однако приводимые при этом аргументы нуждаются в уточнении. Так, данное выражение не столько «описывает ситуацию «Катящийся камень мха не собирает»», сколько в переносном смысле, иносказательно, выражает коммуникативный смысл неодобрения. При этом следует учитывать, что переносные значения более идиоматичны, чем прямые, и потому в большинстве случаев исключают пословный перевод. Здесь еще можно добавить, что указанный коммуникативный смысл в английском языке концептуализирован: в нем для его выражения используется образ движущегося предмета, а в русском прямо выражается оценка «не сидящего дома» субъекта.

Кроме того, в современной семантике выделяется такое явление как «прагматический компонент значения». Он включает в себя аксиологические, ассоциативные и коннотативные компоненты (толкования языковой единицы), которые рассматриваются в книге изолированно друг от друга, ср. [Комиссаров 2001, 131, 140, 141]. Соответствующее явление проявляется чаще всего в невозможности использования в переводе словарного эквивалента слова оригинала, т.е. определяет невозможность пословного перевода.

Важным аспектом в межъязыковом отношении выступает тот факт, что одна и та же предметная ситуация в разных языках описывается/ концептуализируется (обычно, стандартно и потому идиоматично) по-разному. Так, в книге приводится такой пример. В русск. переводе англ. выражения The telephone rang and he answered it – «Зазвонил телефон и он взял трубку» *«нет соответствия лексике и грамматике оригинала»* [Комиссаров 2001, 122]. Такое описание переводческого решения требует уточнения понятия «соответствие», например, в виде понятия словарное соответствие, и, кроме того, предполагает, что перевод это, в первую очередь, использование словарных и грамматических соответствий, что несколько упрощает представление о переводе.

Между тем в данном случае межъязыковые соответствия представляют собой разные, но синонимичные (в широком и межъязыковом смысле) способы описания одной и той же ситуации. Эта же мысль почти сформулирована и в книге: «В любом языке большинство ситуаций можно описать разными способами» [Комиссаров

2001, 122], ведь в большинстве случаев такие «разные описания» будут в большей или меньшей мере синонимичными друг другу. Так, ту же ситуацию можно описать (синонимичным использованному в переводе) выражением «подойти к телефону». Причем каждое из таких синонимичных выражений описывает соответствующую ситуацию идиоматично: так, как это принято в данной культуре.

Следует подчеркнуть, что именно межъязыковая ситуация позволяет в полной мере осознать нормативность, стандартность, устойчивость и тем самым **идиоматичность** (в широком смысле) соответствующих выражений в каждом из языков и их межъязыковую синонимичность: ведь они описывают одну и ту же ситуацию и их нельзя перевести на другой язык пословно. Такие межъязыковые соответствия можно назвать «**межъязыковые устойчивые/ идиоматичные соответствия-синонимы**», что подразумевает выделение понятия/ явления **межъязыковые синонимы**. Большинства таких межъязыковых соответствий нет в двуязычных словарях, и поэтому их поиск/ установление требует «переводческого мышления», представляет собой творческий процесс, а в практике преподавания перевода требует специального внимания, как и в процессе оценки качества перевода.

При этом следует обязательно подчеркивать идиоматичность и синонимичность таких соответствий, ведь они выражают один и тот же, заданный в тексте оригинала смысл идиоматично и потому нормативно. Поэтому в целом справедливое утверждение о том, что русские переводы англ. выражений (из романа Дж.Джерома «Трое в одной лодке») *You are not fit to be in a boat* и *He is the last man to betray a fiend* «иначе описывают соответствующие ситуации»: «Тебя нельзя пускать в лодку» и «Уж он то друга не предаст» [Комиссаров 2001, 123], требует уточнения: описывают идиоматично и являются межъязыковыми синонимичными средствами выражения заданного смысла. При этом употребленное там же выражение «естественный способ описания (данной) ситуации в (данном) языке», также может быть уточнено: естественный и потому (для данного языка) идиоматичный способ описания ситуации.

В результате также может быть уточнен и сделанный в книге следующий вывод, в котором не совсем удачно описан принцип принятия переводческого решения: «Если ситуация, описанная в оригинале, должна быть (?) передана в переводе одним, строго определенным способом, выбор варианта (?) перевода происходит как бы независимо от способа описания этой ситуации в тексте оригинала и структура (?) сообщения в переводе оказывается заранее (?) заданной» (ср. *Fragile!* – «Осторожно, стекло!») [Комиссаров 2001, 123].

Здесь имелось в виду, что если ситуация, описанная в оригинале, в языке перевода в норме/ идиоматично описывается одним, строго определенным способом/ выражением, то следует использовать только его, независимо от того, насколько расходятся средства выражения соответствующего смысла в языке оригинала и языке перевода. Такие соответствия можно назвать «однозначными синонимичными идиоматичными межъязыковыми соответствиями». Их использование делает перевод **адекватным** оригиналу.

8. Переводческие решения и их лингвистическое описание

При сравнении параллельных текстов – оригинала и перевода, в книге отмечаются различные типы эквивалентности между ними, чем демонстрируются различные способы перевода с одного языка на другой, т.е. конкретные *переводческие решения*. Так, сравнением фраз *Scrubbing makes me bad-tempered* и «От мытья полов у меня характер портится» показывается, что смысл «плохохарактерный» (*bad-tem-*

pered) «*выражается в переводе теми же понятиями, хотя и другими частями речи*» [Комиссаров 2001, 125]. При этом отсутствие единого аппарата описания переводческих решений и межъязыковых соответствий не дает возможности обобщать соответствующие закономерности и единообразно объяснять переводческие решения. Между тем, для уточнения и обобщения всех соответствующих случаев необходимыми и достаточными оказываются понятия: *смысл (оригинала), языковые средства (его выражения в языке перевода), поэлементный/ пословный перевод, идиоматичный перевод, межъязыковые синонимичные средства/ способы выражения (заданного смысла)*.

Соответственно, все аналогичные ситуации можно описать следующим образом. В большинстве случаев поэлементный/ **пословный** перевод с одного языка на другой невозможен. Поэтому в процессе перевода следует переводить выражение/ оборот/ высказывание (и т.д.) не пословно, а целиком, и при этом **рекурсивно**. При этом в тексте перевода заданный в оригинале смысл должен быть выражен синонимичными средствами и идиоматично: так, как это принято/ обычно делается/ допустимо в языке перевода, т.е. в соответствии с внутриязыковыми правилами (грамматической, лексико-грамматической, лексической, синтагматической, семантической и прагматической) сочетаемости лексико-грамматических единиц. Это объясняется тем, что сочетаемость всех языковых элементов лингвоспецифична: в каждом языке диктуется своими внутриязыковыми правилами.

Соответствующие синонимичные и идиоматичные средства языка перевода могут быть как предельно близкими тем, что используются в оригинале, так и предельно отличающимися от них, или же располагаться между двумя этими полюсами. Отсюда следует, что один и тот же смысл может быть выражен различными способами, что выбор между этими способами составляет переводческую проблему, решение которой носит творческий характер, что переводческих решений одной и той же переводческой проблемы может быть несколько, и что решение таких проблем представляет собой сущность творческого переводческого мышления и переводческой деятельности.

Используя указанный понятийный аппарат, можно уточнить и ряд других формулировок. Так, утверждение, что «*В рамках одного способа описания ситуации возможны различные виды семантического варьирования*» [Комиссаров 2001, 125], означает: одну и ту же ситуацию можно описать различными синонимичными способами, в том числе и в межъязыковом отношении. Причем все эти синонимичные способы должны описывать данную ситуацию идиоматично. Так что синонимичность выражений *The workers went on strike in support of their pay claims* и «Рабочие... требуют *повышения* зарплаты» обеспечивается тем, что они описывают одну и ту же ситуацию, и используют для этого описания идиоматичные (хотя и отличающиеся по составу/ структуре и т.д.) средства, также, как и выражения *Manson climbed into the gig behind an angular horse* и «Мэнсон сел в коляску, *запряженную костлявой* лошастью»; *He found him in his slippered ease by the fire* и «Он нашел своего друга *отдыхающим в домашних туфлях у камина*» [Комиссаров 2001, 126–127].

Идиоматичность выражения смысла в каждом из приведенных примеров на англ. языке делает их пословный (поэлементный) перевод на русский язык невозможным. Так, в последнем примере невозможность перевода выражения *slippered ease* как «отуфленная легкость», «*сочетания, невозможного в русском языке*», используется для объяснения того факта, что «*Перевод будет поэтому перестроен*» [Комиссаров 2001, 127]. Здесь, видимо, имелось в виду, что указанную фразу нельзя перевести на русский язык пословно (так как соответствующая ситуация по-русски описывается иначе), в результате чего (идиоматичные) средства выражения (задан-

ного в оригинале смысла) в переводе значительно отличаются от (идиоматичных) средств его выражения в оригинале, т.е. структура высказывания в оригинале и переводе не совпадают (тогда как передаваемый ими смысл идентичен/ эквивалентен, а средства его передачи в переводе адекватны: синонимичны средствам выражения в оригинале).

Отличие предложенного объяснения от указанного выше состоит в том, что в последнем случае неявно предполагается, что в переводе должна сохраняться структура высказывания оригинала, т.е., точнее, «нормальным» вариантом перевода выступает пословный/ поэлементный перевод, тогда как в первом случае исходными понятиями выступают смысл и способы его выражения: синонимичные и идиоматичные языковые средства.

(Кроме того, описание двуязычной ситуации как семантического, синтаксического и т.д. «варьирования» не совсем точно: в нем не указаны (необходимые по смыслу) субъект и диапазон «варьирования», т.е. что и как, в каких пределах, «варьирует»; кроме того, такое описание двуязычной ситуации требует указания на инвариант.)

Как известно, в модели «Смысл – Текст» синонимичными средствами выражения считаются все, что (идиоматично) выражают заданный смысл, в том числе и конверсивы, ср. *Профессор принимает экзамен у студентов – Студенты сдают экзамен профессору*. Описание этой ситуации как «*семантического варьирования, которое заключается в изменении направления отношений между признаками(?)*», а также утверждение о том, что «*здесь в языках могут обнаруживаться определенные предпочтения, вызывающие определенные изменения (?) при переводе*» [Комиссаров 2001, 127] (подразумевающее, на самом деле, идиоматичность выражения заданного смысла в данном языке), не позволяют обобщенно описывать весь класс соответствующих «преобразований» в переводе. Ср. приводимый в указанном контексте пример перевода названия рассказа М.Твена «How I was sold in New Ark» – «Как меня купили...». Тогда как использование единого понятийного аппарата модели «Смысл – Текст» делает такое описание простым и покрывающим все случаи не-пословного перевода. При этом стоит только отметить, что *идиоматичность* предопределяет невозможность пословного перевода, а *синонимичность* средств выражения определяется передаваемым ими *смыслом*.

Прекрасный пример переводческого «контекстуального» решения приведен в книге из романа Дж.Голсуорси «Сага о Форсайтах»: герои романа едут в открытом автомобиле, он поворачивает за угол и автор пишет: «They had their backs to the sunshine now». Однако его комментарий недостаточно точен: «*Дословный перевод «Теперь их спины были обращены к солнцу» выглядит по-русски напыщенно и нелепо и в переводе читаем: «Теперь солнце светило им в спину»*» [Комиссаров 2001, 128]. Здесь не указано, что (данный) дословный перевод нарушает нормы русского языка, так как выражает заданный в оригинале смысл неидиоматично (стилистически некорректно), что для выбора средств выражения в переводе необходимо определить средства, которые в норме/ типично/ стандартно/ естественно и потому идиоматично описывают указанную в оригинале ситуацию (передают тот же смысл), что эти средства должны быть синонимичными (в широком смысле) средствам выражения заданного смысла, использованным в оригинале, и что перевод указанного предложения в целом должен передавать заданный смысл (быть эквивалентным оригиналу по смыслу), и звучать также естественно/ идиоматично, как оригинал, т.е. выражать его адекватными средствами: аналогичными/ синонимичными средствами языка оригинала.

Поскольку все элементы перевода должны быть связаны между собой идиоматично, то объектом перевода может выступать только вся фраза/ текст в целом, а не отдельные ее/ его элементы. Эта специфика перевода может быть названа **«рекурсивная идиоматичность (текста перевода)»**: каждый последующий элемент должен быть идиоматично связан как с предыдущим элементом, так и с последующим [Рябцева 2008]. Так, фразы *The port can be entered by big ships only during the tide* – *Большие корабли могут входить в порт только во время прилива* являются эквивалентными по смыслу, (рекурсивно) идиоматичными по средствам его выражения, и соответствуют прагматическим нормам (идиоматичности) выражения коммуникативного смысла прескрипции.

9. Пословный перевод и словарь

В книге [Комиссаров 2001] понятие пословного перевода используется, явно или неявно, многократно, ср. «А.Кронин ... пишет: «*Manson climbed into the gig behind a tall black angular horse*». Переводя эту фразу, переводчик неожиданно обнаруживает, что по-русски нельзя сказать «Он сел в коляску позади лошади», поскольку получается как будто лошадь тоже сидела в коляске» [Комиссаров 2001, 127]. Однако, видимо, как самоочевидное, понятие пословного перевода специально и подробно не рассматривается. Фрагмент, наиболее непосредственно относящийся к этому явлению, звучит так: существуют «*переводы, в которых близость к оригиналу будет наибольшей*», ср. *I saw him in the theatre* – *Я видел его в театре* [Комиссаров 2001, 130]. Однако последующая интерпретация этого явления как отражение «*стремления переводчика как можно полнее воспроизвести значения (?) слов оригинала с помощью дословного перевода*» и как «*достижение эквивалентности на уровне семантики слова*» (которая часто ограничивается *несовпадением (?) значений слов в разных языках*) нуждается в уточнении.

Это объясняется тем, что пословный перевод представляет собой не просто один из способов перевода, позволяющий добиться определенной эквивалентности текста перевода тексту оригинала. Пословный перевод как самый простой способ перевода, а также как прием, позволяющий квалифицировать результат перевода, оказывается исходным, важнейшим и предельно показательным явлением в процессе и результате перевода, дающим возможность построить цельную систему переводческих (и переводоведческих) понятий.

При этом о значении слова в данном случае следует говорить опираясь на понятие **словаря**: словарные значения слов (их количество и «качество»/ толкование в *одноязычном словаре*), которые являются переводами друг друга в *двухязычном словаре*, и образуют, тем самым, **межъязыковые словарные эквиваленты/ соответствия**, чаще всего (полностью) не совпадают, т.е. отличаются лингвоспецифичностью. Кроме того, ситуация перевода должна рассматриваться, во-первых, с точки зрения **эквивалентности** выражаемого **смысла** в тексте оригинала и перевода, во-вторых, с точки зрения **адекватности/ соответствия/ синонимичности** использованных в переводе языковых средств средствам текста оригинала, т.е. **межъязыковых соответствий**, и, в третьих, с точки зрения нормативности/ **идиоматичности** выражения заданного (в оригинале) смысла.

Соответственно, ситуации типа приведенного выше примера можно описать так. Пословный перевод может быть эквивалентным оригиналу по смыслу и адекватным по средствам (его) выражения, если использование межъязыковых словарных соответствий в нем не нарушает нормы (лексико-грамматической) сочетаемос-

ти и правила коммуникативной организации высказывания, действующие в языке перевода.

Далее в книге отмечается, что проблемы (с пословным переводом) «возникают в связи с каждым из трех макрокомпонентов семантики слова: денотативного, коннотативного и внутриязыкового значений». При этом при передаче денотативного значения выделяются три причины, вызывающие трудности: «различия в номенклатуре лексических единиц, в объеме (их) значения и в сочетаемости слов с близким значением» [Комиссаров 2001, 130]. Первый случай описывается следующим образом: «В языке оригинала обнаруживается немало слов, не имеющих прямых соответствий в языке перевода. Например, в английском языке есть глагол *to tinker* «неумело что-либо чинить или налаживать» и существительное *tinkerer*. В русском языке нет отдельных слов с таким значением» [Комиссаров 2001, 130].

Здесь следует отметить, что выражение «прямое соответствие» нуждается в уточнении: «(прямое) **словарное** соответствие», так как понятие пословного перевода основано на понятии словаря, которое оказывается важнейшим лингвистическим понятием в описании процесса и результата перевода. Кроме того, более точно соответствующую идею можно сформулировать следующим образом. На уровне словаря существуют три причины, препятствующие пословному переводу. Первая и самая главная/ исходная из них – отсутствие словарного эквивалента (иноязычного слова) в двуязычном словаре.

Таким образом, исходным и самым показательным случаем, когда невозможен пословный перевод, выступает ситуация когда в двуязычном словаре отсутствует (межъязыковое) словарное соответствие для данного слова языка оригинала, т.е. когда в словаре языка перевода отсутствует соответствие слову языка оригинала. «Соответствие» при этом обозначает самостоятельную лексическую единицу, значение которой (в большей или меньшей степени) совпадает со значением лексической единицы языка оригинала. При этом понятие «отсутствие межъязыкового словарного соответствия» имеет преимущество по сравнению с понятием (точнее, объяснением) «различия в номенклатуре лексических единиц», поскольку опирается на исходное, однозначное и «инвариантное» лингвистическое понятие словаря.

В целом соответствующий материал можно обобщить следующим образом: самой исходной и показательной переводческой проблемой, показывающей невозможность пословного перевода, и тем самым свидетельствующей о творческом характере переводческой деятельности, выступает ситуация, когда данного слова нет в двуязычном словаре, т.е. лексическая единица языка оригинала не имеет межъязыкового словарного соответствия в языке перевода.

Уточнению поддается и описание второй переводческой проблемы и способов ее решения: «различия в объеме значения слов-соответствий в двух языках». Ее примером служит ситуация в английском языке, в котором «нет слова с общим значением «плавать», а есть несколько более конкретных слов, употребляемых в зависимости от того, кто и как плавает: *swim, sail, float, drift*. Аналогичным образом, английскому *teal* соответствуют в русском языке только более частные названия приемов пицци: *завтрак, обед, ужин*». При этом решение данной переводческой проблемы описывается так: «В подобных случаях переводчику приходится выбирать с учетом контекста слово со значением иного объема» [Комиссаров 2001, 130]. Здесь «учет контекста» обозначает невозможность пословного перевода, а «выбор с учетом контекста» – (идиоматичный) перевод всего контекста в целом, а выражение «слово со значением иного объема» – эквивалент, наиболее адекватно передающий **смысл** исходного выражения.

Так, в случае с «плавать» решающим фактором, влияющим на переводческое решение, выступает субъект действия: если это человек (или другое одушевленное существо), то выбирается первый глагол, если плавающее средство – то второй, и т.д. В результате проявляется **идиоматичность** использования каждого из этих глаголов в английском языке. Она предопределяется сложившимися в языке правилами осмысления соответствующих явлений и отражающими их сочетаемостными особенностями каждого из этих глаголов, точнее, ограничениями на их сочетаемость с определенными субъектами действия.

При этом понятие «объем значения» также поддается уточнению при помощи исходного лингвистического понятия словаря. Объему значения в лингвистическом отношении соответствует понятие «толкование значения слова в одноязычном толковом словаре», или просто «значение слова (в словаре)». Последний вариант имеет важное преимущество: ему может быть противопоставлено не менее значимое в переводе понятие «значение слова в контексте», или **словарное значение слова – контекстуальное значение слова**. И действительно, ведь только из контекста можно узнать, является ли указанный в оригинале «прием пищи» (meal) завтраком, обедом или ужином.

С точки зрения устройства языка и закономерностей в установлении межъязыковых соответствий все подобные ситуации можно описать как **«межъязыковая (лексическая) асимметрия (многозначность)»**: слову/ лексической единице (в одном значении) одного языка соответствует несколько слов/ лексических единиц (с аналогичным значением) в другом языке. Решение соответствующей переводческой проблемы – разрешение межъязыковой асимметрии/ многозначности, заключается в установлении в контексте слова, наиболее тесно связанного с данным по смыслу, и перевод всего выражения целиком, т.е. представляет собой отказ от пословного перевода и выбор идиоматического средства выражения заданного в оригинале данным словосочетанием смысла.

Уточнению поддается и описание третьей переводческой проблемы и способов ее решения. В книге она описана как «типичные расхождения» (в сочетаемости языковых единиц оригинала и перевода): *«Использование же ближайшего соответствия может оказаться невозможным из-за различий в сочетаемости. «Face» – это, конечно «лицо», но предложение She slammed the door in his face будет переведено «Она захлопнула дверь у него перед носом»* [Комиссаров 2001, 130].

В данном случае, как и во множестве аналогичных в исходном тексте использовано **устойчивое** выражение/ оборот/ словосочетание (и т.п., ср. понятие «прагматема/ прагматическая фраза» в [Иорданская, Мельчук 2007, 228]), так как содержащийся в нем смысл обычно/ стандартно/ общепринято/ идиоматично выражается данным средством. В языке перевода этот смысл также выражается устойчивым оборотом/ сочетанием, так что соответствующие средства языка оригинала и языка перевода образуют **устойчивые межъязыковые соответствия**/ обороты/ словосочетания/ выражения. Такие соответствия бывают разных типов и видов: от простого (двусоставного) словосочетания до полного предложения/ высказывания. Им противостоят (и образуют с ними систему) **однозначные словарные межъязыковые соответствия**. К ним относятся имена, названия, термины и т.п. [Рябцева 2009].

Следует отметить, что использование различных, но близких по значению понятий для описания идентичных ситуаций, при этом еще и не получающих точной дефиниции, таких, как «*прямое соответствие*», «*слово-соответствие*», «*ближайшее соответствие*», не дает возможности единообразно описать и объяснить сход-

ные ситуации/ переводческие проблемы и представить способы их решения в обобщенном виде.

Кроме того, проведенный в книге блестящий анализ параллельных текстов приводит автора к выводу, который нуждается в уточнении: *«Изучение уровней эквивалентности <оригинала и перевода> позволяет определить, какую степень близости к оригиналу переводчик может достичь в каждом конкретном случае»* [Комиссаров 2001, 134]. Во-первых, понятие «степень близости» требует дефиниции; во-вторых, переводоведение должно уметь обобщать конкретные переводческие решения; в-третьих, переводческие решения должны описываться в лингвистических терминах. Соответственно, можно сказать, что в книге выявляются различные типы лингвистических средств языка/ текста перевода, способные выразить заданный в оригинале смысл, и производится анализ их адекватности и соответствия средствам выражения текста оригинала. Предпосылкой этого анализа является неявно принимаемое положение о том, что пословный перевод в большинстве случаев приводит к неадекватному результату.

Чаще всего **пословный** перевод оказывается неадекватным оригиналу в связи с тем, что межъязыковые словарные (лексические) соответствия (фиксируемые в двуязычном словаре) возможны только между отдельными значениями (многозначных) лексических единиц, кроме того, в каждом из своих значений данная лексическая единица имеет сочетаемостные, причем лингвоспецифичные ограничения, что и делает пословный перевод невозможным. Более того, самой важной и самой трудной переводческой проблемой является ситуация, когда слово нельзя перевести его словарным эквивалентом. Причина этому – ограничения на сочетаемость его переводных эквивалентов, поэтому **поиск варианта перевода, вписывающегося в контекст/ отсутствующего в словаре**, представляет собой наиболее творческий момент в переводческой практике.

10. Буквальный перевод и его «антагонист»

Определение буквального перевода как *«воспроизводящего коммуникативно нерелевантные (формальные) элементы оригинала»* [Комиссаров 2001, 148] также нуждается в уточнении уже хотя бы для того, чтобы включать такие случаи, как перевод с англ. *He belonged to a new race of scientists* – «Он принадлежал к новой расе ученых» [Комиссаров 2001, 149]. Последний пример в книге комментируется как стилистическая ошибка, возникшая из-за *«незнания различий в употреблении английского race и русского «раса»»*.

При этом к отдельному типу ошибок в книге отнесены случаи *«нарушения нормы или узуса языка перевода: правил сочетаемости слов»* и др. [Комиссаров 2001, 149]. Во-первых, такого рода ошибки также относятся к стилистическим; во-вторых, они чаще всего возникают как результат пословного или буквального перевода; в-третьих, во всех соответствующих случаях буквального или пословного перевода, по определению, не выполняется главное требование к тексту перевода – **идиоматичность** выражения заданного смысла.

Буквальный перевод – это перевод, в котором использовано не просто словарное значение слова, а его первое словарное значение (эквивалент). Буквальному переводу противостоит вольный перевод, а пословному переводу – идиоматичный/ аутентичный перевод.

11. Переводческие «трансформации» и закономерные межъязыковые соответствия

Одним из центральных понятий традиционной теории перевода выступает понятие переводческой трансформации, под которой понимаются *«приемы перевода, которые переводчик использует для преодоления типичных трудностей»* [Комиссаров 2001, 158]. Здесь следует подчеркнуть, что для корректного использования этого понятия необходимо точно и качественно определить главный компонент в его дефиниции – «переводческие трудности», и дать их перечень, их собственные дефиниции и объяснения их сущности. Важно, что «переводческие трансформации» описывают случаи, непосредственно связанные с творческим компонентом переводческой деятельности, поэтому следует уделить особое внимание их идентификации, квалификации и точной и последовательной дефиниции.

Далее в книге отмечается, что *«В зависимости от характера преобразований переводческие трансформации делятся на лексические, грамматические и лексико-грамматические»* [Комиссаров 2001, 159]. Здесь необходимо обратить внимание на то, что использование понятия «преобразование» требует указания на то, что именно преобразуется и во что преобразуется. Если выполнить это требование, то получается, что «в зависимости от характера преобразований текста оригинала в текст перевода переводческие трансформации делятся на лексические, грамматические и лексико-грамматические». Из этого следует, что перевод представляет собой преобразование одного текста в другой, и что текст оригинала можно «преобразовать» в текст перевода лексическими, грамматическими и лексико-грамматическими трансформациями.

Описание процесса перевода как трансформации текста оригинала в текст перевода явно упрощает сущность переводческой деятельности. Главным упущением при этом выступает невозможность охватить случаи, когда оригинал и перевод никак нельзя назвать трансформацией одного текста в другой. Так, эквивалентность и адекватность межъязыковых соответствий («прагматем») типа *Fragile!* – «Осторожно, стекло!» достигается использованием при переводе средств, типично/стандартно и потому идиоматично выражающих в языке перевода заданный в оригинале смысл, и которые нельзя «получить» какими бы то ни было «трансформациями». В целом это свидетельствует о том, что описание процесса перевода как трансформации одного текста в другой не адекватно и не отражает его сущность, и потому не обладает необходимой объяснительной силой.

В книге также указывается, что особую *«группу лексических трансформаций составляют лексико-семантические замены, применение которых связано с модификацией значений лексических единиц»* [Комиссаров 2001, 160]. Здесь использование понятия «замена» подразумевает, что перевод – это замена слов одного языка на слова другого языка (что не совсем точно); понятие «модификация значения» подразумевает, что в процессе перевода значение лексической единицы «модифицируется» – изменяется, что также не совсем точно: значение лексической единицы, присутствующей в тексте оригинала, в процессе перевода не изменяется (и не может измениться), а вот ситуацию выбора *межъязыкового соответствия* в зависимости от сопоставления значения слова в оригинале и выбираемого для него в качестве межъязыкового соответствия слова в языке перевода необходимо описывать в строгих лингвистических терминах. Главным из них является **словарь**. Тогда данную ситуацию в общем виде можно представить так: 1) невозможность использования в переводе (прямого) словарного эквивалента данного слова (когда (ни один) словарный эквивалент не подходит); 2) наличие нескольких словарных эк-

вивалентов, из которых необходимо сделать выбор (одному слову языка оригинала соответствует несколько слов языка перевода, как, например, с приводимым выше примером «плавать»).

Это, в свою очередь, означает, что смысл, выражаемый данным словом в данном контексте, нельзя однозначно передать *словарным межъязыковым эквивалентом*. Из этого следует, что использование слова языка перевода в качестве межъязыкового соответствия, которое не является **словарным эквивалентом** соответствующего слова текста оригинала, или представляет собой один из ряда его словарных эквивалентов, отражает ситуацию, которая описывается совершенно однозначно и точно: **невозможность пословного перевода**. Причем именно это обстоятельство и представляет собой исходную и главную «трудность перевода» – переводческую проблему.

Соответственно, для того, чтобы корректно перевести данное слово, его следует переводить вместе с контекстом его употребления. При этом особо выделяются два случая: 1) перевод слова в контексте, когда производится операция установления контекстуального значения данного слова (в тексте оригинала) и далее делается выбор его контекстуального межъязыкового соответствия в языке перевода (как в случае с «плавать» или с использованием «интенсификаторов», ср. *vital interests – коренные интересы* [Рябцева 2007]); 2) перевод всего контекста/ выражения/ высказывания/ фрагмента текста, когда устанавливается смысл описываемой в оригинале **ситуации** и далее выбирается наиболее подходящий вариант ее описания в языке перевода – выражения, **идиоматично** передающего тот же смысл/ описывающего ту же ситуацию в языке перевода, и соответствующего данному контексту (по стилю, жанру и т.п.).

В традиционной теории перевода в данном случае выделяются приемы конкретизации, генерализации и модуляции. «*Прием смысловой конкретизации заключается в том, что переводчик выбирает для перевода (слова) в оригинале слово с более конкретным значением в переводящем языке*» [Комиссаров 2001, 161]. В приведенном определении предполагается, что в данном случае переводчик выполняет пословный перевод, что неточно отражает существо дела, ср. также определение приемов генерализации и модуляции, в определении которых прямо используется слово «замена»: «*Прием генерализации подразумевает замену единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением*» [Комиссаров 2001, 161]; «*Модуляцией или смысловым развитием называется замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы*» [Комиссаров 2001, 162].

Причем выделяемые в теории перевода указанные три типа переводческих «преобразований» описывают три принципиально различные ситуации, никак особо не выделяемые: 1) соотношение межъязыковых **словарных эквивалентов**, когда, например, объем их значений (и способ номинации/ описания одного и того же явления в разных языках) не совпадают, ср. *теща, свекровь – mother-in-law; шурин, деверь – brother-in-law*; 2) перевод слова в контексте, когда его словарный эквивалент не подходит, и необходимо найти его **контекстуальное соответствие**; 3) перевод выражения, описывающего конкретную ситуацию. При этом описание межъязыковой ситуации, когда невозможность пословного перевода фразы *Manson climbed into the gig behind a tall horse* характеризуется как «контекстуальная замена» (в результате которой в русском переводе получается фраза «Мэнсон влез в коляску, запряженную крупной лошастью») [Комиссаров 2001, 162] не отражает самого главного. Оно заключается в том, что соответствующая ситуация в русском и англ-

лийском языке (идиоматично) описывается по-разному, поэтому и невозможен пословный перевод.

В целом в качестве главной переводческой проблемы можно назвать невозможность пословного перевода. Причем сама эта невозможность вызвана: 1) несопадением значений лексических/ словарных межъязыковых эквивалентов, их лингвоспецифичностью/ асимметрией их значений; 2) различными способами (идиоматичного) описания одной и той же ситуации в языке оригинала и в языке перевода (их лингвоспецифичностью и потому асимметрией); 3) возможностью описания одной и той же ситуации в (любом) языке разными способами (синонимией). Так, одним из наиболее типичных (и потому идиоматичных в широком смысле) способов описания роста человека в английском языке служит его точное указание, ср. «*I saw a man 6 feet 2 inches tall*» [Комиссаров 2001, 162], тогда как по-русски в таких ситуациях обычно («идиоматично») говорят «Я увидел высокого парня».

Соответственно, различие понятий (межъязыковой) словарный эквивалент слова, контекстуальный эквивалент слова, межъязыковое соответствие данного слова, пословный перевод, идиоматичный перевод, средства описания ситуации показывают, что в процессе перевода не производится замена слов одного языка на слова другого языка (т.е. пословный перевод), или их трансформация и преобразование, а происходит или выбор контекстуального межъязыкового соответствия для выражения в тексте оригинала, или использование средств, типично описывающих в языке перевода заданную в оригинале ситуацию.

При этом соотношение словарных межъязыковых эквивалентов в общем виде должно составить отдельную тему в преподавании перевода. Ее можно назвать «**Закономерные (словарные и контекстуальные) межъязыковые соответствия**». В ее экспликацию входит указание на соотношение значений межъязыковых словарных эквивалентов: прямые и переносные значения, объемы значений, коннотации и т.п. Исходным положением при этом должно служить указание на особенности **словарного значения** слова: его многозначность, соотношение значений и т.п. (ср. *money sing.* – «деньги» *pl.*), а также указание на особенности **контекстуального значения слова** (см. Рябцева 2007).

В традиционной теории перевода выделяются также «грамматические трансформации». Причем неожиданно в эту категорию попадает дословный перевод, который понимается как «*нулевая трансформация: способ перевода, при котором синтаксическая структура ИЯ заменяется аналогичной структурой ПЯ*», например: *He was in London two years ago* – «Он был в Лондоне два года назад» [Комиссаров 2001, 162]. Представляется, что более естественным способом описания соответствующей переводческой ситуации было бы утверждение, что в данном и подобных случаях *сохраняется* структура предложения, которая, кстати, не имеет прямого отношения к «словам» (и дословности перевода).

Объяснение грамматических трансформаций также основывается на понятии замены: «*Во многих случаях переход от оригинала к переводу осуществляется с помощью различных грамматических замен*» [Комиссаров 2001, 164]. Между тем приводимый при этом пример перевода фразы *They left the room with their heads held high* – «Они вышли из комнаты с высоко поднятой головой» более естественно охарактеризовать как использование в переводе выражения, которое типично используется для описания данной ситуации в русском языке, т.е. выражения, которое отличается от соответствующего выражения в английском языке тем, что в нем сущ. «голова» употребляется в форме ед. ч.

В книге также отмечается, что «*Весьма распространенным видом грамматической замены при переводе является замена частей речи*», ср. *It is our hope* – «Мы

надеемся». Нередко «подобные замены применяются в отношении английских прилагательных в сравнительной степени со значением увеличения или уменьшения объема, размера или степени: *The stoppage which is in support of higher pay and shorter working hours began on Monday* – «Забастовка в поддержку требований о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня началась в понедельник» [Комиссаров 2001, 164].

Такое описание переводческой проблемы и ее решения можно уточнить, избегая понятия «замена». Так, в первую очередь, здесь встает вопрос о том, почему пословный перевод невозможен или нежелателен. В большинстве случаев ответ на него будет сначала общим: потому что в таком случае будут нарушены (стилистические) нормы языка перевода. Далее следует указать, что соответствующие нормы заключаются в идиоматичном выражении заданного смысла, т.е. в необходимости в тексте перевода так выражать смысл/ описывать заданную ситуацию, как это принято/ обычно выражается/ описывается в языке перевода. И, наконец, следует подчеркнуть, что в языке перевода средства, идиоматично выражающие заданный в оригинале смысл, могут отличаться от использованных в нем средств грамматически (а также лексически, стилистически и т.п.). Это, в свою очередь, объясняется 1) отсутствием однозначных соответствий между языками (их асимметрией); 2) возможностью выразить один и тот же смысл (в любом языке) разными синонимичными средствами; 3) существованием в (любом) языке предпочтительных средств описания заданной ситуации/ выражения заданного смысла; 4) требованием к правильной речи идиоматично выражать заданный смысл.

Так что при переводе используется не столько замена (грамматической формы), сколько такое синонимичное (семантически эквивалентное) исходному соответствию в языке перевода, в котором заданный в оригинале смысл идиоматично выражается другими частями речи. Возможность и часто необходимость использования/ выбора такого соответствия объясняется асимметрией межъязыковых соответствий, нормами языка перевода, т.е. общепринятым способом выражения заданного смысла, и предопределяется способностью любого естественного языка выражать один и тот же смысл несколькими, (грамматически и лексически) разными, но семантически синонимичными друг другу способами, ср. *требование о повышении заработной платы* – *требование повысить заработную плату*.

Соответственно, использование в качестве межъязыкового соответствия выражения, которое отличается от исходного грамматически, совершенно правомерное, закономерное и естественное явление, а его объяснение совпадает с объяснением подавляющего большинства случаев, в которых при переводе используется «асимметричное» в каком-либо отношении выражение: в грамматическом, лексическом, стилистическом, прагматическом и т.д. отношении.

Так что лексика, грамматика, синтаксис и т.д. не «преобразуются» в переводе и не «заменяются»: в нем используются синонимичные выражения, в которых заданный смысл выражен средствами, отличными от исходного выражения грамматически, лексически и т.д. Аналогично и при «антонимическом переводе»: в нем утвердительная форма (предложения) не «заменяется» на отрицательную, а в качестве межъязыкового соответствия используется синонимичное выражение, в котором заданный в оригинале смысл выражен «от противоположного», антонимически, ср. *She is not unworthy of your attention* – «Она вполне достойна вашего внимания» [Комиссаров 2001, 165]. При этом в качестве межъязыкового соответствия может быть выбрано такое, в котором отрицательный смысл выражается явно, грамматически, тогда как в оригинале он выражен имплицитно: «внутри» лексического значения, ср. *exclude (from membership)* – не принимать (в свои ряды).

Таким образом, главным в данной и всех аналогичных ситуациях перевода является то, что описание одной и той же ситуации в разных языках может: 1) полностью совпадать; 2) различаться средствами выражения, т.е. лексически, грамматически, прагматически, концептуально и т.п.; 3) иметь несколько способов/ вариантов описания; 4) иметь в каждом языке свой, предпочтительный для разных коммуникативных ситуаций/ стилей (общения) вариант описания; 5) иметь в данном языке только один вариант описания. В последнем случае он должен быть использован в переводе независимо от того, какими средствами и способами данная ситуация описывается в тексте оригинала.

Отдельной задачей при этом выступает **характеристика синонимических средств в межъязыковом аспекте**, которая заключается в том, что средства выражения одного и того же смысла/ описания одной и той же ситуации в разных языках могут отличаться грамматически, лексически, синтаксически, стилистически, прагматически и т.п., но, тем не менее, являться синонимичными друг другу.

В целом можно заключить, что понятие «переводческие трансформации» не совсем точно отражает процесс и закономерности перевода. Для их более точного описания необходимы такие точные лингвистические понятия, как словарное значение слова – контекстуальное значение слова; закономерные **словарные/ контекстуальные межъязыковые соответствия**, характеристика **синонимических средств** в межъязыковом аспекте и др.

12. «Переводческие соответствия» и переводческое мышление

Основной принцип перевода отражен в книге [Комиссаров 2001] при помощи понятия «переводческие соответствия»: *«Значения определенных единиц ИЯ регулярно передаются с помощью одних и тех же единиц ПЯ... Единица ПЯ, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ, называется переводческим соответствием. «Регулярно» значит, что такая единица используется в качестве соответствия при переводе разных текстов разными переводчиками»* (с. 166).

Как уже отмечалось выше, с лингвистической точки зрения описание процесса перевода как использования/ установления «переводческих соответствий» не совсем точно описывает межъязыковую ситуацию: оно не соотносено с центральным лингвистическим понятием «словарь» и связанными с ним понятиями «словарное значение слова», «межъязыковой словарный эквивалент» и др., а также с понятием «смысл» (текста).

Так, положение о том, что *«переводческие соответствия могут устанавливаться между единицами разного уровня языковой структуры»* [Комиссаров 2001, 166] можно уточнить как *«заданный в оригинале смысл может быть выражен в переводе несколькими разными синонимичными средствами, в том числе и относящимися к различным языковым уровням»*, ср. *But he `will go there* – «Но он *обязательно* пойдет туда»; *He has read the book* – «Он *уже* прочел книгу». Иными словами, информация, передаваемая в оригинале лексическими/ грамматическими средствами, может быть выражена в переводе «асимметрично»: грамматически, а не лексически, или лексически, а не грамматически.

Дальнейшее описание процесса перевода в книге выглядит следующим образом: *«Как правило, переводческие соответствия устанавливаются между единицами одного и того же уровня. Поэтому различаются лексические, фразеологические и грамматические соответствия»* [Комиссаров 2001, 167].

Таким образом, в процессе перевода переводчик устанавливает и использует, в первую очередь, «переводческие лексические соответствия». Здесь необходимо по-

вторить, что использование при этом более объективного понятия «межъязыковые словарные/ контекстуальные (лексические) соответствия» позволяет описывать процесс перевода с помощью главного и самого конструктивного лингвистического понятия «словарь», и делать это более последовательно и логично.

Так, достаточно неопределенное утверждение о том, что *«лексические соответствия могут быть единичными или множественными»* [Комиссаров 2001, 167], может быть уточнено с помощью понятия однозначные/ неоднозначные **словарные** межъязыковые соответствия, ср. *«Единичное соответствие означает, что в большинстве случаев данная единица ИЯ переводится одной и той же единицей ПЯ. Такие соответствия существуют, главным образом, у терминов, собственных имен и различных названий»: House of Commons – «Палата общин», oxygen – «кислород»* [Комиссаров 2001, 167].

И действительно, исходным и важнейшим профессиональным знанием переводчика выступает осознание того, что *однозначные межъязыковые соответствия*: 1) подлежат фиксации в словарях, особенно специальных/ терминологических; 2) называют одно и то же (культурное, географическое, специальное и т.д.) явление; 3) носят «константный» характер: не имеют (чаще всего) иных вариантов именования (и потому перевода), кроме данного общепринятого; 4) их использование в языке перевода не зависит от того, с какого языка делается перевод; 5) составляют фонд обязательных (специальных или культурных [Рябцева 2009]) знаний, которыми должен владеть переводчик.

Далее в книге рассматриваются *«случаи, когда единичные соответствия имеются только у некоторых значений многозначного слова, например, англ. barrel – «бочка, бочонок, барабан» и пр. имеет такие соответствия в значении «часть огнестрельного оружия» (ствол) и «единица объема нефти» (баррель)* [Комиссаров 2001, 167]. Здесь следует отметить, что привлечение понятия *многозначности* для описания переводческого процесса чрезвычайно важно. Жаль только, что оно используется в книге всего несколько раз (причем не всегда достаточно корректно, ср. «слово может быть многозначным», «сведения, устраняющие многозначность» [Комиссаров 2001, 361]), не входит в систему исходных понятий, не связано явно с понятием словаря и не имеет дефиниции и экспликации. Между тем и понятие многозначности, и раскрытие его сущности позволяют уточнить понятия переводческой проблемы, переводческого решения и переводческого мышления, ведь большинство слов естественного языка многозначно и потому в переводе нуждается в ее распознавании и разрешении (установлении контекстуального значения слова), а также в специальной процедуре выбора межъязыкового соответствия.

Так, описание ситуации «единичного соответствия значений многозначного слова» может быть уточнено следующим образом. Большинство слов в словаре любого естественного языка многозначно, причем количество и содержание значений у межъязыковых словарных эквивалентов никогда не совпадают (что предопределяет межъязыковую асимметрию на уровне лексики). При этом любое из значений данного многозначного слова может подвергнуться специализации/ терминологизации, так же как и любой термин может войти в общеупотребительный язык и тем самым получить в нем де-терминологизированное значение. Например, многозначное сущ. barrel имеет в англ. языке/ словаре как общеупотребительное значение, так и два специальных/ терминологизированных. В последнем случае при его переводе следует использовать только его терминологизированное, однозначное межъязыковое (словарное) соответствие, тогда как в первом случае переводчику предстоит сделать выбор из нескольких возможных вариантов его перевода.

При этом если перевод общеупотребительного слова в контексте чаще всего обозначает его «перевод вместе с контекстом», то перевод термина чаще всего осуществляется независимо от контекста, но, тем не менее, именно контекст при этом показывает, в терминологическом или нетерминологическом значении употреблено данное слово в тексте.

Предлагаемое далее в книге заключение о том, что *«заранее известный перевод таких единиц позволяет быстро определить тематическую область текста и ориентирует мысль переводчика в нужном направлении»* [Комиссаров 2001, 167], можно уточнить: незнание терминологического значения слова и тем самым его однозначного межъязыкового эквивалента требует обращения к специальным словарям.

Далее «переводческие соответствия» описываются в книге следующим образом: *«Многие единицы ИЯ имеют множественные соответствия – несколько единиц ПЯ, регулярно используемых для передачи их значений, например, importance – важность, значение или значимость»* [Комиссаров 2001, 167]. Здесь следует выделить два момента: перевод слова в одном значении и перевод многозначного слова.

Так, существование словарных межъязыковых соответствий, отраженных в двуязычных словарях, не означает, что значение соответствующей лексической единицы языка оригинала полностью совпадает со значением лексической единицы, являющейся ее словарным эквивалентом. Из этого следует/ это проявляется в том, что слову в данном значении одного языка может соответствовать несколько слов другого языка. (Причем даже все вместе они могут и не отражать в полном объеме значение исходной лексической единицы, ср. в этой связи анализ англ. thrill в [Апресян 1995, т.2, 249]).

Относительно перевода многозначного слова в книге справедливо отмечается, что *«переводчик делает выбор между его соответствиями на основе контекста – лингвистического или ситуативного»* [Комиссаров 2001, 167]. Здесь следует сделать важные уточнения. Перевод многозначного слова предполагает обязательно **распознавание его значения** и определение возможных вариантов его перевода/ определение необходимости использования его однозначного межъязыкового эквивалента. Причем наличие у слова нескольких межъязыковых соответствий (в словаре) чаще всего означает, что в тексте его нужно переводить вместе с контекстом, например, в составе цельного словосочетания, ср. to strike – «бить, ударять, найти, натолкнуться, поражать, сражать, пускать корни, бастовать» и the striking trade-unions – «бастующие профсоюзы».

Под ситуативным контекстом в книге понимается *«любая экстралингвистическая информация, позволяющая сделать выбор между соответствиями, сведения о времени, месте, обстоятельствах, фактах и т.п. Так, trade union в Англии будет переводиться как «трэд-юнион», а в США – «профсоюз»* [Комиссаров 2001, 168]. Здесь следует добавить, что «ситуативный контекст» подразумевает использование **фоновых и специальных знаний**.

Центральным понятием в описании процесса перевода, которое дополняет понятие «регулярное переводческое соответствие», выступает в книге понятие «окказиональное соответствие», а их соотношение описывается следующим образом: *«Существование у единицы ИЯ одного или нескольких переводческих (?) соответствий еще не означает, что эти соответствия будут обязательно использованы в переводе. В ряде случаев (?) условия употребления (?) языковой единицы в контексте вынуждают (?) переводчика отказаться (?) от использования регулярного (?) соответствия (ср. пословного перевода) и найти вариант перевода, наиболее точно передающий значение этой единицы в данном контексте. Такой*

нерегулярный, исключительный (?) способ перевода называется окказиональным соответствием» [Комиссаров 2001, 168].

По существу данное рассуждение обозначает следующее. Несмотря на то, что слово языка оригинала может иметь (в двуязычном словаре) несколько словарных межъязыковых соответствий (в языке перевода), далеко не всегда эти соответствия подходят по контексту. Это, с одной стороны, показывает невозможность в большинстве случаев пословного перевода, а с другой стороны проявляет самое главное свойство правильной речи на любом языке и главное требование к тексту перевода – идиоматичность выражения заданного (в оригинале) смысла. При этом «условия употребления» означают «связанное», обусловленное контекстом значение исходной единицы, что, в свою очередь означает, что она не может быть переведена самостоятельно, а только вместе с контекстом.

Отсюда следует, что самая важная оппозиция, описывающая процесс перевода, должна выглядеть так: **словарный межъязыковой эквивалент – контекстуальное межъязыковое соответствие.**

Далее в книге отмечается, что *«Условия контекста могут побудить переводчика отказаться даже от применения единичного соответствия. Например, название американского города New Haven регулярно (?) передается на русский язык как «Нью-Хейвен». Но вот в романе Фицджеральда «Великий Гэтсби» встречается такое предложение: «I graduated from New Haven in 1915». Контекст ясно показывает, что название города употреблено здесь в переносном смысле вместо учебного заведения, находящегося в этом городе. Но по-русски нельзя «окончить Нью-Хейвен» (ср. «окончить Оксфорд, Кембридж»)»* поскольку *«у русского читателя такие ассоциации отсутствуют, и переводчик отказывается от регулярного соответствия: «Я окончил Йельский университет в 1915 г.»* [Комиссаров 2001, 168].

Здесь следует уточнить, что в данном случае название города действительно употреблено в переносном, метонимическом смысле, и именно потому приобретает новое, вторичное/ производное/ контекстуальное значение. В связи с этим говорить о «единичном соответствии» нельзя: новое значение подразумевает новое, еще одно межъязыковое соответствие. В данном случае им является «университет в городе Нью-Хейвен». Переводчик совершенно правильно отказался от дословного/ буквального перевода (когда используется основное, исходное словарное значение слова), который по-русски не выражает заданный в оригинале смысл. Более того, он проявил культурную компетентность и благодаря своим фоновым знаниям (об университетах в Америке) указал точное название соответствующего университета, принятого в русском языке. Таким образом, в данном случае более корректно сказать, что переводчик использовал не «единичное соответствие» (которое нигде не зафиксировано), а контекстуальное соответствие.

В книге совершенно справедливо подчеркивается важность установления контекстуального значения слова, правда, делается это не совсем прозрачно: *«Еще чаще контекст вынуждает переводчика отказываться от использования одного из множественных соответствий. Глагол to deal имеет несколько регулярных соответствий (ср. значений, каждое из которых имеет свои межъязыковые эквиваленты) в русском языке: «обходиться, обращаться, поступать, вести себя». Но вот в книге «Во имя мира» А.Джонстон пишет: «History has dealt with Hitler; history will deal with all would-be Hitlers». Понятно, что автор имеет в виду, что история не просто «обошлась с Гитлером», а «обошлась с ним по заслугам», сурово. И в переводе мы читаем: «История покончила с Гитлером; история покончит со всеми будущими гитлерами»* [Комиссаров 2001, 168– 169].

Комментарий к этому замечательному примеру можно уточнить следующим образом. Глагол *to deal* в англ. языке (словаре) является многозначным (и, кроме того, широкозначным: его значения по сути выражают «лексические функции» (по И.А.Мельчуку и Ю.Д.Апресяну) от тех слов, с которыми он сочетается). Причем его третье (словарное) значение (для которого типичной грамматической моделью является конструкция «*to deal with (affairs)*») обозначается в словаре как «*manage*», а типичным примером использования данного глагола в данном значении является выражение *to deal with a problem (criminal, burglar, etc.)*. Более подробно смысл соответствующего значения (и выражения) можно представить так: «сделать так, чтобы X (проблема и т.п.) перестал существовать/ представлять опасность, угрозу и т.д.». Одним из способов выражения данного смысла в русском языке выступает выражение «покончить с». Его идиоматичность проявляется в том, что соответствующий смысл в контексте, например, существительного «проблема» будет выражен иначе: «решить проблему» (что обозначает то же самое: сделать так, чтобы она не существовала, ср. *разрешить противоречия, урегулировать конфликт* и т.д.).

Это подробное объяснение сводимо к более простому при условии, если предварительно введены все используемые в нем понятия. Тогда оно будет выглядеть следующим образом. При переводе многозначных, особенно широкозначных лексических единиц часто ни один из их словарных эквивалентов не подходит по контексту. Тогда нужно **установить контекстуальное значение** данного многозначного слова и найти соответствующее ему в языке перевода средство его выражения – его контекстуальный/ нормативный/ стандартный и потому идиоматичный эквивалент. Например, в предложении «*History has dealt with Hitler; history will deal with all would-be Hitlers*» многозначный глагол *to deal (with)* несет смысл «сделать так, чтобы (Гитлер) перестал существовать» (который он передает в своем третьем словарном значении). Данный смысл идиоматично выражается в русском языке конструкцией «покончить с», которая и может быть/ должна быть использована в качестве контекстуального эквивалента.

Аналогично интерпретируется и следующий пример, приводимый в книге: «*Нередко окказиональное соответствие используется в стилистических целях для воссоздания художественного эффекта оригинала. Английский автор пишет: «The mountain tops were hidden in a gray waste of sky», а переводчик переводит: «Вершины гор тонули в сером небе». Конечно, глагол to hide не означает «тонуть», но это окказиональное соответствие хорошо передает здесь беспредельность небесного свода» [Комиссаров 2001, 169].*

По сути здесь имеется в виду, что чем более идиоматичен оригинал, тем более идиоматичен может быть перевод (и тем менее в нем будет использовано словарных соответствий). Так, в каждом языке переносные/ образные значения (многозначных слов) более идиоматичны (контекстно избирательны (в смысле [Апресян, 1995, т.1, 150] и лингвоспецифичны), чем прямые (словарные значения). Поэтому при передаче образного выражения чаще используются не словарные эквиваленты, а контекстуальные (которые, кстати, не обязательно будут «окказиональными»).

Особенности переводческого мышления в книге интерпретируются как «способы создания окказиональных соответствий», в качестве примера которых приводится, в частности, прием переводческой трансформации «лексическая замена»: «*Так, при переводе на русский язык английского exposure, не имеющего прямого соответствия, например, в предложении He died of exposure в зависимости от широкого контекста могут быть использованы трансформации конкретизации или модуляции: «Он умер от простуды (лучше: от переохлаждения)», «Он замерз в снегах и т.п.»* [Комиссаров 2001, 169].

Такое описание переводческого решения может быть уточнено в отношении утверждений о том, что «англ. exposure не имеет прямого соответствия в русском языке», что его перевод (в данном случае) заключается в «лексической замене», и что лексическая замена – это «трансформация». Так, «отсутствие прямого соответствия» означает, что в русском языке (словаре) нет слова, значение которого (по своему объему) совпадало бы со значением англ. exposure. При этом особенностью (словарного) значения данного англ. существительного является передача широкой идеи «подверженности внешнему воздействию, особенно природным явлениям». Это его значение в (двуязычном словаре) раскрывается выражениями с более частными значениями, т.е. при помощи целого ряда возможных соответствий: «выставление (под дождь, солнце и т.п.)». Иными словами, данное существительное (в своем основном, первом, прямом словарном значении) **не имеет точного/ однозначного межъязыкового словарного эквивалента** (в русском языке).

Соответственно, данное существительное ни в каком контексте не может быть переведено «пословно»/ «изолированно, т.е. независимо от контекста, поскольку только на его основе можно установить, воздействию какого конкретно явления был подвержен объект описания. В данном случае (и всех подобных) при переводе происходит конкретизация описания указанной в оригинале ситуации, что можно назвать **приемом уточнения/ конкретизации описания/ сужения смысла**. Этот прием заключается не в «замене» (чего на что?) или трансформации (чего во что?), а в использовании **контекстуального межъязыкового соответствия с более узким значением**.

Из сказанного, в частности, следует, что отсутствие однозначных словарных межъязыковых эквивалентов как свидетельство лингвоспецифичности лексики данного языка должно составить отдельную автономную тему не только в переводоведении, но и в лингвистике в целом. (Ср. в этой связи уже упоминавшийся ранее анализ сущ. thrill в [Апресян 1995, т.2, 249]).

Соответствующая лингвоспецифичная лексика является **идиоматичной в межъязыковом отношении**: ее перевод в наибольшей степени зависит от контекста. В этом отношении она противостоит интернациональной лексике, терминологии, именам собственным и т.п., перевод которых в наименьшей степени зависит от контекста и даже от языка, с которого выполняется перевод.

Так, например, очень английским, предельно лингвоспецифичным и не имеющим однозначного прямого эквивалента в русском языке является существительное abandon. Словарные переводы – *непринужденность, развязность, несдержанность* – даже отдаленно не передают сути дела. Поэтому его более удачные межъязыковые соответствия, каждый раз новые, можно подыскать только для целых словосочетаний или даже ситуаций: to sing with abandon *петь с чувством*, to act with abandon *действовать, позабыв обо всем*, to speak with abandon *говорить, не сдерживаясь* и т.д. [Апресян 1995: т.2, 249].

Итак, главным препятствием в переводе выступает невозможность пословного перевода, которая вызвана отсутствием однозначных лексических/ словарных, грамматических и прагматических соответствий между языками, т.е. межъязыковой асимметрией. Она объясняется свойством многозначности большинства языковых элементов в обоих языках и несовпадением их значений, а также требованием идиоматичности выражения заданного смысла (в каждом языке), т.е. необходимостью соблюдения лингвоспецифичных в большинстве случаев правил сочетаемости/ употребления языковых элементов. В результате перевод является не (пословной) заменой слов и грамматических форм/ конструкций одного языка на элементы другого языка, а сложным и творческим процессом, в ходе которого переводчик и/

или устанавливает необходимость использования/ поиска единственно возможного варианта перевода, и/ или формирует ряд синонимичных переводных/ межъязыковых контекстуальных соответствий, из которых выбирает наиболее близкий по форме и содержанию оригиналу.

Вывод 3.

Основной, исходной операцией в процессе перевода (составляющей сущность переводческого мышления) является «установить контекстуальное значение слова/ словосочетания». Она заключается в подстановке вместо данного слова его ближайшего, причем наименее специального и наиболее широкого по значению **синонима**. При этом его межъязыковой эквивалент должен быть не «переводом» данного изолированного слова на другой язык, а представлять собой типичное/ идиоматичное средство выражения данного значения/ смысла в данном конкретном выражении, т.е. зависеть от того слова, вместе с которым он переводится. Так, в предложении «History has dealt with Hitler; history will deal with all would-be Hitlers» многозначный глагол to deal (with) несет смысл «сделать так, чтобы (Гитлер) перестал существовать» (который он передает в своем третьем словарном значении). Данный смысл идиоматично выражается в русском языке конструкцией «покончить с», которая и может быть/ должна быть использована в качестве контекстуального эквивалента.

13. Переводческие ошибки и «релевантность информации»

Проблема переводческих ошибок, конечно же, относится к наиболее фундаментальным в практике и теории перевода. В книге В.Н.Комиссарова ей уделено особое внимание. При этом используются понятия «*неправильное понимание оригинала*», «*неточности перевода*», «*(стилистические) шероховатости*» и др. [Комиссаров 2001, 147–149]. В целом можно сказать, что переводческие ошибки разделяются на фактические/ смысловые, которые проявляются в переводе как опущение, добавление или искажение смысла оригинала, и на языковые, которые проявляются в использовании неадекватных средств языка перевода для выражения заданного смысла. Первые часто вызваны или невнимательным прочтением текста оригинала, или его непониманием, что свидетельствует о недостаточном владении языком оригинала и/ или предметом описания, вторые – недостаточным учетом требования идиоматичности выражения заданного смысла в переводе.

В переводоведении довольно широко обсуждается проблема релевантности информации, и отмечается, что нерелевантная информация может быть в переводе опущена, т.к. она представляется (переводчику) несущественной или способной вызвать непонимание у читателя. Так, при сравнении фразы из романа Дж.Сэлинджера *There were pills and medicine all over the place, and everything smelled like Vicks' Nose Drops* и ее перевода: «Везде стояли какие-то пузырьки, пилюли, все пахло каплями от насморка», В.Н.Комиссаров отмечает, что «*в переводе опущено Vicks – фирменное название капель, ничего не говорящее русскому читателю*» [Комиссаров 2001, 139]. Из того факта, что в настоящее время это название уже знакомо русскому читателю следует, что к понятию нерелевантности следует относиться более строго.

14. Зарубежные исследования в области теории перевода

Соответствующие идеи так или иначе получили отражение в работах не только отечественных переводоведов, но и иностранных. Но при этом в обоих случаях ис-

пользуемая при описании процесса и результата перевода терминология не отличается системностью, последовательностью и потому объяснительной силой. Так, в [Комиссаров 2001, 242] отмечается, что немецкий ученый О.Каде настаивает на «двойной детерминированности перевода – оригиналом и коммуникативной ситуацией, в которую включен перевод», и что создание эквивалентного текста-коммуниката в процессе перевода «должно сопровождаться более или менее существенными изменениями текста оригинала (?)». Хотя понятно, что в процессе перевода с текстом оригинала ничего не может произойти. Относительно интерпретации процесса перевода Г.Егером отмечается, что она заключается в том, что «оригиналу может соответствовать множество коммуникативно эквивалентных переводов» [Комиссаров 2001, 253], что на самом деле предопределяется синонимическими возможностями, заложенными в каждом языке.

Отмечаемая характерная черта западногерманских переводоведов заключается в подчеркивании ими того, что «перевод имеет дело не с системами языков, а с конкретными текстами» [Комиссаров 2001, 255]. Между тем без осознания устройства языка нельзя понять причины переводческих проблем, разработать принципы их разрешения и сознательно их применять. Среди основных идей известного немецкого переводоведа В.Вилсса выделяется утверждение о том, что в процессе перевода «переводчик осуществляет при выборе варианта перевода три вида поиска: случайный, систематический и эвристический» [Комиссаров 2001, 265], хотя ясно, что исходным пунктом действий/ размышлений переводчика служит словный перевод, позволяющий осознать смысл оригинала. Важным положением концепции В.Вилсса является акцент на эвристическом характере переводческой деятельности, когда «многое приходится основывать на догадке» [Комиссаров 2001, 265]. Здесь следует отметить, что чем более качественным является преподавание практики перевода, тем более догадка превращается в автоматизированное решение проблемы.

В целом выдвигаемая данным ученым когнитивная трактовка творческого компонента в работе переводчика опирается на такие понятия, как позитивные/ эпистемические – эвристические знания (ср. декларативные/ статические – операциональные/ динамические), озарение, интуиция, изобретательность, спонтанность, невербализуемость и др. [Комиссаров 2001, 266–268], которые, с одной стороны, не образуют единой взаимосвязанной системы, а с другой стороны, не отражают самого главного в процессе перевода – причин, по которым возникают переводческие проблемы, при этом почти или совсем не используются понятия словаря, языковой способности, типов и видов межъязыковых соответствий и др., ср. [Kusssmaul 2000].

Таким образом, стремление большинства теоретиков перевода построить собственную теорию/ модель процесса перевода и отсутствие при этом системы четко определенных и обоснованных исходных понятий приводит к довольно умозрительным выводам и недостаточной практической ценности получаемых результатов. Несколько более позитивно выглядят результаты, получаемые в процессе экспериментального анализа процесса перевода: наблюдения за ним и (компьютерного) фиксирования его составляющих.

Самым ценным при этом выступают данные о том, что о наличии переводческой проблемы в первую очередь свидетельствует обращение переводчика к словарям, исправления в тексте перевода и др., что сразу же требует обращения к понятиям языковой компетенции, межъязыковых соответствий, синонимии и др. Так, в экспериментах Х.Крингса было установлено, что переводчик сначала быстро (!) формирует грубый, приблизительный перевод, основанный на имеющихся у него

«ассоциативных связях между единицами двух языков» (неточное выражение), а затем начинает его шлифовать, изменять и корректировать. При этом первый вариант (очень хорошее выражение) значительно чаще берется из словаря, чем окончательный (здесь почти уже введено понятие пословного перевода). Отмечается также, что *«при переводе на иностранный язык 2/3 проблем решаются с помощью словаря, причем в 20% случаев словарь дает необходимое решение, а в 25% в словаре нет нужного слова или выражения, и что в целом из словаря берется 1/3 вариантов перевода. При переводе на родной язык наблюдается больший разброс предварительных вариантов, чем при переводе на иностранный»* [Комиссаров 2001, 269–275] (что свидетельствует о высоком уровне владения родным языком).

Описание результатов указанного экспериментального исследования практики перевода опирается также на такие важные понятия, как «дословный перевод», «первичные проблемы перевода», «перевыражение мысли в оригинале», «оценка перевода независимо от оригинала», «стратегия редукции», которая означает отказ от воспроизведения какого-либо элемента оригинала, «стратегия перестраховки», когда переводчик, будучи не уверен, что ему удастся решить переводческую проблему, выбирает более общий и потому достаточно неопределенный способ перевода фрагмента, смысл которого он не совсем понял, и др. Это делает полученные результаты теоретически и практически ценными. Они еще раз доказывают, что практически ценная теория перевода должна оперировать онтологическими понятиями, а не умозрительными, и что их необходимо привести в систему.

Экспериментальные исследования, проводимые в Финляндии, также ориентированы на практику. В них изучается правильность/ естественность языка переводов, *«сопоставляется язык оригинальных текстов и переводных, выявляются «скрытые», стилистические ошибки в переводах, буквализмы и др.»* [Комиссаров 2001, 291–296], т.е. почти уже осознана необходимость использования понятия «идиоматичность выражения заданного смысла».

В этой связи следует также отметить особую важность понятия интерференции в процессе преподавания (и изучения) перевода, а также почти уже забытую мысль о том, что даже хороший перевод часто представляет собой бледную копию оригинала, которая нуждается в разностороннем объяснении. Точнее, в переводе хороший (особенно художественный) текст всегда проигрывает оригиналу, тогда как стилистически безупречный текст (газетный, технический) в переводе может и не уступать по качеству изложения оригиналу.

Среди размышлений других зарубежных ученых о теории и практике перевода следует выделить мысль А.Людсканова о том, что для понимания текста оригинала в процессе перевода необходима *дополнительная информация* и утверждение Г.Тури о том, что *«текст перевода всегда представляет собой компромисс между стремлением к приемлемости и адекватности»* [Комиссаров 2001, 304, 309].

В целом можно заключить, что зарубежные теории/ модели перевода также как и отечественные, не опираются на качественную лингвистическую теорию и не имеют системы исходных понятий, отражающих сущность процесса перевода.

15. Методика обучения переводу и его «теоретические основы»

В качестве исходной теоретической установки в обучении переводу в книге подчеркивается тот факт, что перевод *«осуществляется в значительной степени интуитивно»* [Комиссаров 2001, 321]. И действительно, сложившаяся практика преподавания перевода, с одной стороны, реально основана на методе «делай как я» (предполагающей, что студент почувствует, в прямом смысле, чем хороший пере-

вод отличается от плохого; что и происходит на деле, поскольку в качестве преподавателей перевода обычно выступают очень хорошие и опытные практикующие переводчики). С другой стороны, она декларирует необходимость использования положений теории перевода (которая, по логике вещей, и должна описывать именно интуицию переводчика).

Между тем, центральной и исходной установкой в преподавании перевода должна быть *демонстрация* того, что перевод представляет собой *творческий процесс*. Эта демонстрация заключается в *объяснении* того, что хороший перевод не является пословным, а представляет собой идиоматично, т.е. качественно (лексически, стилистически, прагматически и т.п.) выраженную на другом языке мысль. Этот факт студенты действительно способны улавливать «интуитивно» и так же интуитивно стремятся к аналогичным результатам, однако его экспликация не только выведет «интуитивный способ преподавания перевода» на уровень сознательно-го научения, но и позволит более эффективно автоматизировать соответствующие навыки. А это, в свою очередь, предопределяет то, что хороший переводчик в норме не может и не должен объяснять свои переводческие решения (и что предельно наглядно демонстрирует сложившаяся методика преподавания перевода).

В качестве ответа на главный исходный вопрос «зачем учить переводу?» в книге предлагается установка на «*формирование переводческой компетенции*» [Комиссаров 2001, 321, 331]. Здесь следует отметить, что в этом случае необходима точная, четкая и предельно содержательная дефиниция этого явления, тогда как в книге в качестве таковой указана «*способность осуществлять сознательные и интуитивные переводческие действия, которая может (скорее, должна/ не может не) развиваться в процессе обучения и практической работы*» [Комиссаров 2001, 324]. Более эффективный способ получения такой дефиниции представляется в использовании в качестве исходного понятия языковой способности/ компетенции носителя языка, и экстраполяция его на межъязыковую ситуацию.

Поскольку приведенная выше дефиниция недостаточно прозрачна, то в книге предпринимаются (не совсем удачные) попытки ее уточнить: «*Реализация переводческой компетенции происходит при участии всей (?) языковой личности переводчика*» и предполагает, в частности, «*наличие литературно-элоквентных способностей*» (лучше: хорошего владения родным языком) [Комиссаров 2001, 324]. В качестве объекта переводческой деятельности при этом указывается «*информация, содержащаяся в исходном тексте*» [Комиссаров 2001, 324], поскольку «*Языковые единицы, составляющие текст, сами по себе не являются объектом перевода*», при этом делается оговорка, что, тем не менее, «*через (?) них формируется содержание текста, и присутствие в тексте определенных (каких?) языковых средств имеет семантическую (и, следует добавить, любую другую) значимость и может (на самом деле – обязательно будет) определять характер переводческих задач (?) и создавать особые (какие?) трудности для перевода*» [Комиссаров 2001, 325].

Представляется, что если качественный перевод – это тот, что эквивалентен оригиналу по содержанию/ смыслу, и адекватен по средствам выражения, то указание объекта переводческой деятельности и роли в них языковых средств оригинала следует уточнить.

Приводимое в книге рассуждение, призванное уточнить понятие переводческой компетенции, выглядит следующим образом: «*В процессе создания (лучше: формирования) профессиональной переводческой компетенции формируется своеобразная (?) языковая личность, которая обладает рядом отличий от «нормальной» (?), непереводческой (?) личности*» [Комиссаров 2001, 326]. Здесь можно внести следующие коррективы: профессиональный переводчик владеет родным и инос-

трантным языком профессионально, и объяснить, что это значит, в частности, используя такие понятия, как «профессиональное владение иностранным языком» и «профессиональное владение родным языком»/ владение (родным) языком на уровне профессиональной (речевой) деятельности.

При этом в книге есть рассуждения, призванные раскрыть понятие «языковой компетенции» в принципе: *«Осуществление общения в языковой (вербальной) форме (лучше: речь или речевая деятельность) предполагает использование языковых средств в полном соответствии (?) с целями и обстановкой общения. Для того, чтобы коммуниканты могли обмениваться (?) мыслями с помощью (?) языка, в их долговременной памяти должно храниться знание этого языка, знание форм и значений составляющих его единиц. Такое знание языка отдельным человеком (?) составляет его языковую компетенцию, которая с большей или меньшей полнотой отражает совокупность языковых средств, которыми пользуются члены его языкового коллектива»* [Комиссаров 2001, 327].

В данном рассуждении «языковая компетенция участников коммуникации» объясняется через «знание языка», что по сути одно и то же, а «знание языка» объясняется через знание «совокупности языковых средств», что также обозначает одно и то же, и тем самым мало что объясняет. Кроме того, следует отметить, что «языковая компетенция участников общения» менее точное понятие, чем «языковая компетенция носителя языка», и что «знание» языка подразумевает *владение* им, *умение* им пользоваться, что и должно составить содержание и смысл соответствующего определения.

Относительно «устройства языка» в книге тоже есть определенные разъяснения, которые, к сожалению, «сбиваются» на описание языковой способности: *«Язык представляет собой сложную систему знаков, взаимосвязанных различными формальными и содержательными отношениями. Каждый языковой знак имеет определенную звуковую форму... и определенное значение, т.е. какое-то мыслительное (?) содержание, которое закреплено в памяти пользующихся (?) языком за формой знака. Пользующиеся языком (?) способны различать (идентифицировать) знаки языка и вспоминать (?) их значения. В языковую компетенцию входит и знание связей, существующих между формами и значениями разных знаков как в самой системе (парадигматические связи), так и при совместном употреблении знаков в процессе общения (синтагматические связи). Использование языковых знаков в процессе общения называется речью»* [Комиссаров 2001, 325].

Здесь отсутствуют указания на важнейшие «составляющие» языка: словарь и грамматику, семантику и прагматику, на важнейшие свойства языковых единиц – их многозначность и синонимичность, и т.д., т.е. в целом на устройство языка, причем любого естественного языка, а также на особенности выражения смысла в естественном языке и способность извлечения смысла из речи носителем языка независимо от средств его выражения и т.д.

Далее аналогично описывается «структура языка»: *«Совокупность связей между знаками в системе языка составляет структуру этого языка»,* которая *«потенциально определяет способ (?) совместного употребления языковых знаков в речи. Фактически потенциальная возможность использования знаков, задаваемая структурой языка, реализуется по правилам употребления знаков в речи, специфическим для каждого языка. Эти правила могут быть обязательными (норма языка) или предпочтительными (норма речи или узус). Нарушение языка (более точно: нарушение норм языка; более правильно: нарушение грамматики языка) делает речь неправильной, нарушение узуса делает ее неидеоматичной, непривычной»* [Комиссаров 2001, 327].

Здесь норма речи/ узус это, по сути, «стилистическая» и «прагматическая» идиоматичность речи: ее соответствие ситуации и стилю общения; «правила употребления знаков в речи, специфические для каждого языка» – это лингвоспецифичность сочетаемости языковых единиц и идиоматичность их использования в речи. Идиоматичность и непривычность – явления разного порядка. Всякая речь, по определению, должна идиоматично, т.е. в соответствии с правилами сочетаемости и ситуацией общения, выражать заданный смысл, а непривычность – это частное отклонение от нормы/ идиоматичности.

В связи со способами формирования переводческой компетенции далее в книге указывается, что *«В процессе обучения переводу должны изучаться... методы решения типичных переводческих задач и стратегия поиска индивидуальных творческих решений. В этом смысле обучение переводу предполагает умение выделять в учебном материале типичные переводческие задачи и формулировать общие принципы и частные приемы их решения»* [Комиссаров 2001, 325]. Некоторые положения данной установки также нуждаются в уточнении. Так, самым главным в обучении переводу выступает развитие у студентов творческого переводческого мышления. Для этого, в первую очередь, необходимо объяснить творческий характер переводческого труда. Далее. Переводческая задача и переводческая проблема – не одно и то же. Первое связано с целью (ср. *нашей задачей/ целью является Р*), а второе с «препятствием» (ср. *у нас возникла проблема/ препятствие*). Соответственно, переводческое мышление связано, в первую очередь, с решением проблем, возникающих в процессе перевода.

Таким образом, развитие переводческого мышления у студентов в процессе их обучения практике перевода должно основываться на объяснении творческого характера переводческой деятельности, развитии навыков идентификации переводческих проблем и объяснении способов их возможного решения. (Отметим здесь в скобках, что важным признаком развитого переводческого мышления выступает неоднократно отмечаемая опытными переводчиками их подсознательное стремление представлять себе, как можно перевести услышанное/ прочитанное, даже когда они не заняты профессиональной деятельностью).

В качестве другой методической установки в книге указывается следующее: *«Характер межъязыковой коммуникации предопределяет принципиальную множественность вариантов перевода одних и тех же отрезков оригинала. В связи с этим в процессе обучения перед студентами не ставится задача создать единственно правильный (или оптимальный) перевод предполагаемого (кем?) текста»* [Комиссаров 2001, 325]. Здесь также возможны уточнения.

Так, «принципиальная множественность» (вариантов перевода) предопределяется, в первую очередь, не «характером межъязыковой коммуникации», а естественным устройством любого естественного языка, главным свойством которого выступает возможность выразить один и тот же **смысл** разными/ различными **синонимичными** средствами. Это свойство и следует учитывать в первую очередь в процессе обучения переводу. Кроме того, необходимо еще и продемонстрировать его связь с творческим характером переводческой деятельности: способность выбирать из множества возможных вариантов перевода тот, что наиболее адекватно передает заданный в оригинале смысл. При этом «единственно правильный перевод» не может быть создан не только в процессе обучения, но и в практике перевода, так как любой текст по указанной выше причине (наличия нескольких различных синонимических средств выражения одного и того смысла в любом языке) можно перевести «разными способами».

В книге также отмечается, что языковая компетенция включает знания о стилистических особенностях коммуникации: *«Языковые единицы используются для речевой коммуникации в самых различных сферах общения. Отдельные сферы общения могут отличаться тем, что в них преимущественно употребляется определенный набор языковых единиц, которые менее регулярно используются в других сферах или вообще отсутствуют в них. Языковые единицы, входящие в такие наборы, считаются принадлежащими к определенному функциональному стилю»* [Комиссаров 2001, 328]. В терминах модели «Смысл – Текст» данную мысль можно уточнить следующим образом. Каждый стиль (общения, коммуникации) характеризуется своими отличительными стилистическими средствами, особенно разного рода клише, устойчивыми оборотами, словосочетаниями и конструкциями. В целом все эти средства **идиоматичны** относительно заданного стиля и являются его обязательными атрибутами и идентификаторами.

В книге также указывается зависимость выбора языковых средств от ситуации общения: *«На выбор и характер употребления языковых единиц в речевой коммуникации оказывает влияние обстановка (ситуация) общения и взаимоотношения участников общения (коммуникантов), их ролевые функции (старший и младший и т.д.). Особенности использования языка в соответствии с ситуацией и ролевой функцией составляют определенный речевой регистр (торжественный, официальный, повседневный, интимный)»* [Комиссаров 2001, 328].

Обобщая и уточняя соответствующие утверждения относительно стиля и норм общения, можно сказать, что использование языка для построения речи/ выражения смысла/ установления речевого взаимодействия с участником общения всегда определяется *прагматикой* общения. Прагматика имеет коммуникативную составляющую – ситуацию самого общения (место, время, участники, условия и т.п.), отсюда – *стиль* общения, и когнитивную составляющую – фоновые и текущие знания участников общения (о предмете и ситуации общения) и их коммуникативные цели, отсюда – *интенциональность* общения. Стиль общения должен соответствовать его интенциональности и наоборот. Это соответствие проявляется в *идиоматичности* общения – в выборе средств, наиболее адекватно/ оптимально воплощающих прагматику общения – его стиль и интенциональность. При этом идиоматичность языковых средств общения в широком смысле – это их соответствие норме данного стиля общения и ситуации общения.

Ср. в этой связи (приводимое и выше) предельно конструктивное определение языковой компетенции носителя языка у Ю.Д.Апресяна и выделяемые при этом две составляющие, активную и пассивную, объясняющие, как языковая компетенция связана с «устройством» языка и его использованием, почему языковая способность носителя языка формируется в норме в значительной степени на подсознательном уровне и почему она проявляется в его способности: 1) выражать заданный смысл разными *синонимическими* по своему значению средствами и при этом *идиоматично* – в соответствии с *нормами* родного языка; 2) распознавать *смысл* речи независимо от способа его выражения – эксплицитного или имплицитного, и несмотря на *неоднозначность/ многозначность* входящих в нее элементов; 3) отличать (грамматически) правильное и *идиоматичное* выражение *смысла* от неправильного, 4) отличать семантически правильные предложения от семантически неправильных, и семантически связные тексты от семантически несвязных (ср. [Апресян, 1995, т.1, 11–12; т.2., 9]).

В книге справедливо подчеркивается, что профессиональная переводческая компетенция включает в себя *«умение проецировать на высказывания в тексте оригинала инференциальные возможности рецептора перевода»* и на основе этого

вводить «недостающую фоновую информацию» в текст перевода [Комиссаров 2001, 334]. Иными словами, переводчик должен чувствовать необходимость эксплицировать смысл оригинала для получателей перевода, используя при этом свои фоновые знания. Отсюда важность профессионально владеть культурологической информацией.

В книге отмечается также еще ряд умений, которые обязательно составляют профессиональную переводческую компетенцию. Среди них указывается следующее: «Умение понимать текст по-переводчески» [Комиссаров 2001, 338], которое «несколько отличается от обычного прежде всего необходимой глубиной и окончательностью» [Комиссаров 2001, 361], которое может быть уточнено как умение понимать текст профессионально, что подразумевает, в первую очередь, профессиональное владение языком оригинала. Подчеркивается также важность изучения «переводческих соответствий» [Комиссаров 2001, 338], без указания, правда, откуда они берутся, и «вынужденность отходить от оригинала, но при этом оставаться как можно ближе к исходному смыслу» в случаях, когда невозможно «применить прямое соответствие» [Комиссаров 2001, 339], что можно уточнить как умение выразить заданный в оригинале смысл несколькими равнозначными/ синонимичными способами.

В целом можно сказать, что профессиональный переводчик обладает профессиональными знаниями, умениями и навыками, а готовить переводчиков должен преподаватель, не только умеющий «исправлять языковые и речевые ошибки» [Комиссаров 2001, 341], но обладающий еще и умением объяснять переводческие решения. При этом, как справедливо отмечается в книге, в процессе преподавания преподаватель часто обнаруживает, что, несмотря на то, что, владея родным языком с детства, студенты «плохо различают многие его смысловые и стилистические тонкости, не умеют грамотно и элегантно писать разными стилями, неправильно оценивают уместность употребления языковых средств в определенных ситуациях общения» [Комиссаров 2001, 341]. Все это можно назвать необходимостью «**профессионального владения родным языком**», которое подразумевает не только «умение правильно и грамотно выражать свои мысли на языке перевода» [Комиссаров 2001, 363], но и профессионально владеть стилем изложения на языке перевода (в том числе и идиоматично выражать мысли).

Для того, чтобы объяснять переводческие решения, необходима, как уже указывалось, система исходных понятий, поэтому формулировки типа «Лингвистическая теория перевода выделяет два основных типа соответствий: моноэквиваленты, выбор которых относительно независим от контекста, и полиэквиваленты (вариантные соответствия), выбор которых требует учета как собственного значения слова, так и контекста его употребления» [Комиссаров 2001, 367] нуждаются в уточнении.

Здесь, во-первых, не используется понятие словаря и словарного (межъязыкового) эквивалента; во-вторых, утверждается, что в случае с «моноэквивалентами» переводчик осуществляет «выбор», хотя в данном случае у него выбора нет, в-третьих, что выбор «полиэквивалентов» требует учета значения слова, хотя более точно эту операцию следует определить как распознавание/ установление значения многозначного слова в контексте, в-третьих, понятие «полиэквиваленты»/ вариантные соответствия подразумевает их существование (где-то, пусть даже в словаре), тогда как часто их приходится «создавать», поэтому операцию перевода далеко не всегда можно назвать «выбором» (из нескольких вариантов), поскольку прежде чем выбирать, часто необходимо самому найти выражения, передающие тот же смысл,

что и переводимое выражение оригинала (так как часто их нет в словаре), а потом уже выбирать из них.

Соответственно, важнейшими операциями в процессе перевода выступает распознавание случаев «перевод без вариантов» (интернационализмы, имена собственные, названия, термины и т.д.) vs. возможность выражения заданного смысла (в языке перевода) несколькими, различными в лексическом и/или грамматическом отношении способами: в зависимости от контекста/ стиля/ целей перевода и т.п. (например, заголовок, оценка, эпитет и т.п.). Таким образом, важнейшей детерминантой переводческих действий выступает следующее противопоставление: контекстно независимый (словарный/ пословный) перевод – контекстно связанный (контекстуальный) вариант перевода.

16. Контекстуальное значение слова и перевод

В книге совершенно правильно отмечается, что при переводе необходимо уметь «*выявлять контекстуальные значения слов на основе взаимодействия их словарного значения с лингвистическим или ситуативным контекстом*», и что при этом особые трудности вызывают слова «*с широким недифференцированным значением, при переводе которых может использоваться большое число разнообразных соответствий, не учитываемых словарями*» [Комиссаров 2001, 368]. Здесь следует подчеркнуть, что соответствующая лексика получила наиболее точный и полный анализ и описание в модели «Смысл – Текст» в виде понятий лексической функции и лексического параметра, раскрывающих сущность их значения и закономерности их использования (в любом языке). В результате появляется возможность строго и просто объяснить огромный материал относительно установления межъязыковых соответствий. (См., например, последние работы в этой области: [Апресян 2006, 2008; Иорданская, Мельчук 2007]).

Сюда же входит и материал относительно «*различных типов атрибутивных словосочетаний, создающих проблемы для понимания и перевода*» [Комиссаров 2001, 369], особенно касающихся перевода слов, выражающих смысл интенсификации (ср. лексический параметр Magn), а также относительно «особенностей отдельных типов свободных словосочетаний». Последние на деле оказываются не столь уж и свободными: чаще всего они подчиняются принципу идиоматичности выражения заданного смысла, отражают закономерности концептуализации различных явлений в данном языке и потому отличаются лингвоспецифичностью, что и порождает трудности в их переводе (ср. [Riabtseva 2001; 2003]).

В книге правомерно особо выделяется проблема «ложных друзей переводчика и псевдоинтернациональных слов», к которым относятся «*слова со сходной формой*», но совершенно разным значением (decade – *декада), слова, «*частично различающиеся в семантическом и прагматическом аспекте, а также с различной сочетаемостью, препятствующей их взаимозаменяемости*» (ср. career – карьера, organizational defects – организационные дефекты) [Комиссаров 2001, 369].

Здесь, во-первых, следует отметить неудачность понятия «(взаимо)заменяемость» (поскольку перевод – это не замена одних слов на другие), и, во-вторых, необходимость разграничивать значение слова (в словаре данного языка) и его переводной/ межъязыковой эквивалент (в двуязычном словаре). Поскольку перевод слова часто требует учета контекста и идиоматичного выражения заданного в нем смысла, то в результате возникает несовпадение «формы слов», что характерно не только для слов со сходной формой, но и для большого количества любой другой лексики. Кроме того, большинство слов-эквивалентов в двуязычном словаре, а не

только те, что имеют «сходную форму», различаются (в большей или меньшей степени) содержанием и объемом значения, т.е. являются лингвоспецифичными, и, тем самым, характеризуются различной сочетаемостью. Это, в свою очередь, должно составить отдельную тему в процессе формирования профессиональной переводческой компетенции студентов.

Профессиональное понимание текста оригинала и профессиональное владение языком оригинала заключается, в первую очередь, в умении распознавать контекстуальные значения всех слов, выражений и предложений оригинала и контекстуальные связи между ними, т.е., разрешать все виды неоднозначности и многозначности на основе контекста: узкого и широкого, лингвистического и экстралингвистического. Соответственно, одним из центральных лингвистических понятий, необходимых для корректной и точной интерпретации переводческой деятельности, выступает **«контекстуальное значение слова»**. В книге оно лишь упоминается: *«Языковые единицы, составляющие текст, выступают в нем в своих контекстуальных значениях, которые формируются на основе их значений в языке и контекста их употребления в тексте. Совокупность контекстуальных значений единиц высказывания в их взаимосвязи составляет план содержания высказывания»* [Комиссаров 2001, 329]; *«Правильная интерпретация слова в тексте основывается на взаимодействии значения слова и контекста»* [Комиссаров 2001, 348].

Здесь следует подчеркнуть, что контекстуальному значению слова противопоставит словарное значение слова, что понятие «значение слова в словаре» связано с понятием многозначности, и что понимание текста предопределяется способностью контекста разрешать многозначность входящих в него языковых единиц. При этом проявляется основной семантический закон, регулирующий правильное понимание текстов адресатом, который гласит: «Выбирается такое осмысление данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов (в значениях языковых единиц) достигает максимума» [Апресян 1995, т. 1, 14]. Это обеспечивается тем, что носитель языка обладает способностью интерпретировать (понимать) текст и владеет главным его правилом: установлением и распознаванием семантической связности текста.

В книге приводится замечательный пример относительно возможностей перевода эпитета «яркий» на английский язык и обусловленности выбора варианта его перевода контекстом, ср. *«brilliant, impressive, graphic, moving, extraordinary»* [Комиссаров 2001, 338]. Между тем, при этом не обращается внимание на то, что этот эпитет характеризуется многозначностью, что в значительной степени предопределяет возможность его перевода несколькими различными способами. Понятие многозначности, одно из важнейших в описании устройства языка и его использования, как и понятие контекстуального значения слова, упоминается в книге всего несколько раз, что значительно снижает объяснительную силу многих положений, изложенных в книге (ср. [Рябцева 2007]).

17. Замечания частного характера

Использование слабо определенных понятий и выражений, типа *прагматический потенциал текста, прагматическая адаптация текста, прагматическая адекватность перевода* [Комиссаров 2001, 136–145 и др.], *изучение переводческих соответствий* [Комиссаров 2001, 361]; *такие приемы преобразования, как замена* [Комиссаров 2001, 370] и др. не способствует проникновению в существо процесса перевода. Так, понятие *«прагматическая адаптация (перевода)»* [Комиссаров 2001, 14], независимо от его содержания (и определения), неудачно, поскольку термин

«адаптация» уже занят. Он обозначает «упрощение (художественного) текста на иностранном языке (в учебных целях)». По этой же причине неудачно понятие *упрощенный перевод* [Комиссаров 2001, 22], поскольку в этом значении употребляется термин «адаптированный перевод».

Противопоставление *«переводческой языковой личности нормальной (?!) непеводческой личности»* [Комиссаров 2001, 19] неудачно: переводчик как **профессионал** противостоит непрофессиональному переводчику и обычному (а не «нормальному») **носителю языка**. Утверждение о том, что *«Все языки используются для построения сообщений о внеязыковой реальности»* [Комиссаров 2001, 32] недостаточно точно: сообщения не строятся, а порождаются, речевое общение состоит не только из «сообщений», но и множества других видов высказываний, и они могут касаться любой реальности, в том числе и языковой. Утверждение о том, что *«Общение людей с помощью языка осуществляется весьма своеобразным, сложным путем»* [Комиссаров 2001, 328] представляется несколько утрированным: «общение людей с помощью языка» это предельно естественное явление, которое в значительной степени осуществляется на подсознательном уровне и потому в норме не составляет проблемы (см. [Рябцева 2005]).

18. Металингвистическая типология перевод(овед)ческих понятий

Металингвистическая типология перевод(овед)ческих понятий [Рябцева 2007] должна быть строгой, последовательной, прозрачной, операциональной и эффективной. Ее важнейшими компонентами являются типология (языковых) значений и типология межъязыковых соответствий.

Вывод 4.

В языке выделяются следующие, релевантные для описания межъязыковой ситуации типы языковых значений: лексическое значение – грамматическое значение – прагматическое значение; словарное значение слова – контекстуальное значение слова; контекстно независимое значение слова/ словосочетания – контекстно зависимое значение слова/ словосочетания; прямое/ исходное/ словарное значение слова/ словосочетания – производное/ переносное значение слова/ словосочетания.

В межъязыковом отношении выделяются следующие типы (межъязыковых) соответствий: словарные межъязыковые соответствия – контекстуальные межъязыковые соответствия, однозначные (словарные/ контекстуальные) межъязыковые соответствия – неоднозначные (словарные/ контекстуальные) межъязыковые соответствия, устойчивые межъязыковые соответствия – условные межъязыковые соответствия, а также закономерные (словарные/ контекстуальные) межъязыковые соответствия – окказиональные межъязыковые соответствия.

19. ВЫВОДЫ

1–2. Соотношение теории и практики перевода. Хорошая теория должна иметь не только описательный, но и объяснительный характер, с тем, чтобы ее можно было использовать на практике. Так, перед современной теорией перевода стоит задача использования ее положений в следующих трех актуальных практических областях: при **подготовке преподавателей перевода**, в процессе **преподавания** перевода и в **оценке качества** текста перевода. При этом она должна вскрывать сущность соответствующего явления, которую отражают следующие основные понятия: **переводческая проблема, переводческое решение и переводческое мышление**. Ее основная прикладная цель – такое объяснение процесса и

результата перевода, которое можно и нужно применять на практике, особенно с тем, чтобы учить студентов выявлять переводческие проблемы, объяснять им переводческие решения, оценивать их и формировать тем самым профессиональную компетенцию будущих переводчиков – прививать им «переводческое мышление».

При этом ее главная задача – показать, в чем заключается **творческий характер** переводческой деятельности и для чего необходима **система исходных лингвистических понятий**. Так, обычно используемое в теории перевода понятие «эквивалентность перевода» отражает скорее центральную проблему перевода, которую необходимо описать, объяснить и оценить на основе более простых исходных понятий. Тогда как последние должны отражать самые важные исходные «объекты» переводческой деятельности: содержание текста (оригинала и перевода) и средства его выражения (в оригинале и переводе): **смысл (текста)** и «**межъязыковые соответствия**».

В целом в теорию перевода следует ввести следующие обобщающие задачи: объяснение процесса перевода в лингвистических терминах (см. [Рябцева 2008]), систематизация закономерностей в межъязыковых соответствиях, установление объективных/ формальных критериев оценки качества перевода и подготовка преподавателей практики перевода. Все эти взаимосвязанные задачи могут придать переводоведению не только практически направленный смысл, но и повысить его объяснительную силу. При этом они предполагают объяснение следующих вопросов: 1) почему перевод – это профессиональная деятельность, требующая профессиональной подготовки; 2) почему переводческий труд в значительной степени носит творческий характер; 3) как следует обучать профессиональному переводу; 4) какие объективные критерии должны лежать в оценке качества перевода; 5) какие исходные понятия следует использовать в переводоведении и, соответственно, в практике обучения переводу и в оценке качества перевода.

3. Творческий характер профессиональной переводческой деятельности и современная лингвистика. 4. Словарь: его роль в устройстве естественного языка и в объяснении творческого характера переводческой деятельности. Творческий характер переводческой деятельности проявляется не только в художественном переводе, но и в любом другом. Наиболее адекватным средством его описания представляется лингвистическая модель «Смысл – Текст», центральным понятием которой выступает **словарь**. С его помощью можно не только объяснить творческий характер процесса перевода, но и отличие профессионального перевода от непрофессионального, и тем самым уточнить понятие переводческой компетенции. При этом главным/ исходным перевод(овед)ческим понятием выступает пословный перевод, который определяется на основе понятия словаря: пословный перевод – такой, когда (каждое) слово переводится своим словарным эквивалентом, т.е. без учета контекста.

Так, именно пословный перевод отличает непрофессионального переводчика от профессионала. В отличие от пословного, непрофессионального перевода, профессиональный перевод отвечает требованиям, которые в общем виде определяются в терминах модели «Смысл – Текст» следующим образом: текст перевода должен быть **эквивалентным** по **смыслу** тексту оригинала и выражать этот смысл (языковыми) средствами, **адекватными** средствам, при помощи которых он выражается в тексте оригинала, т.е. адекватными межъязыковыми соответствиями. При этом выделяются **словарные** и **контекстуальные** межъязыковые соответствия. (Отдельно следует отметить важность **дословного/ буквального перевода** как способа уяснения значения исходного выражения – этапа, необходимого в процессе перевода фрагментов текста, не поддающихся «прямому», пословному переводу).

Особенности межъязыковых соответствий, в свою очередь, объясняются на основе понятия **устройство языка**: его состава (словарь и грамматика), и отражающих его функционирование понятий семантики и прагматики. При этом самым важным свойством любого естественного языка выступает **асимметрия** всех его единиц (их формы и значения), что, в свою очередь, предопределяет **асимметрию языка оригинала и языка перевода**. Закономерности в установлении межъязыковых соответствий, словарных и контекстуальных, в свою очередь, объясняются на основе понятия «**языковая способность (носителя языка)**», которое приложимо и к межъязыковой коммуникации.

Согласно модели «Смысл – Текст», языковая способность носителя языка в общем виде включает способность извлекать из речи (заданный в ней) смысл (независимо от средств его выражения) и выражать заданный смысл разными/ синонимическими способами [Апресян 1995, т.1, 11; т.2., 9]. Относительно межъязыковой ситуации это означает, что **смысл**, заложенный в тексте оригинала, может быть выражен (несколькими) **разными** (синонимичными) языковыми средствами языка перевода, и **выбор** наиболее адекватного из них и представляет собой наиболее творческий момент в переводческой деятельности.

Соответственно, творческий компонент в переводе заключается в решении разнообразных переводческих проблем, которые состоят в выборе наиболее адекватного словарного межъязыкового эквивалента (из нескольких имеющихся) или в поиске контекстуального межъязыкового соответствия, выражающего заданный в оригинале смысл (а также в выборе способов передачи так называемой «безэквивалентной лексики»). Несмотря на то, что соответствующая проблема «передачи реалий» и «восполнения фоновых знаний» при переводе (которыми носители языка перевода не обладают) получили довольно подробное освещение в современном переводоведении, следует отметить, что одной из перспектив их дальнейшего развития является идентификация всех случаев, которые подпадают под эти две категории переводческих трудностей, их классификация и типологизация, а также обнаружение случаев их совмещения).

Самые главные из переводческих проблем в переводе связаны со «специфичностью семантики» языковых единиц, которая, как и все остальные его уровни, в значительной степени **лингвоспецифична**, хотя и в ней есть универсальные черты. Универсальность самого естественного языка проявляется в первую очередь в способности выражать любой (дискурсивный) смысл, что и делает перевод с одного языка на другой не только возможным, но и вполне естественным явлением, и в способности любого человека овладеть своим родным языком, что может служить основой программы обучения иностранному языку и переводу, а также объяснения закономерностей, лежащих в основе этих процессов.

Универсальность естественного языка и закономерности его использования проявляются в возможности выделять **однозначные межъязыковые соответствия**, к которым относятся интернационализмы, имена собственные, названия, термины и др., но которые, однако, составляют лишь незначительную часть языковых средств, используемых в любом тексте. Особо значимой чертой таких соответствий является то, что их эквивалент в данном языке не зависит от того, с какого языка делается перевод, это своеобразные «константы» перевода – **константные** (однозначные) межъязыковые соответствия.

«Лингвоспецифичность» семантики языковых единиц проявляется прежде всего в **неоднозначности** большинства межъязыковых соответствий, в их **асимметрии**: одному слову (в одном значении) или словосочетанию/ выражению/ обороту в одном языке может соответствовать несколько слов (в том же значении) или

словосочетаний/ выражений/ оборотов в другом языке (ср. рука – англ. arm, hand). Отсюда следует, что центральным понятием в описании соответствующей переводческой проблемы будет «**значение слова**», которое соотносится с такими понятиями, как словарь, многозначность и типы значений: прямое, переносное, производное; словарное значение – контекстуальное значение. Производным от него понятием будет **межъязыковой словарный эквивалент слова** (в данном значении).

С понятием значения слова тесно связано понятие значимости близких по значению слов в разных языках (ср. *лошадь* и *конь* vs. horse), которая более всего проявляется в (различной) сочетаемости соответствующих единиц, точнее, в ограничениях на их сочетаемость, которая, в свою очередь, представляет собой **идиоматичность** (их употребления) в широком смысле; ср. **въехать в город на белой лошади*.

Именно понятие идиоматичности является одним из центральных в модели «Смысл – Текст», и должно стать центральным в описании процесса перевода. В переводоведении оно используется только в узком смысле и потому весьма ограничено. Так идиоматичность в широком смысле включает в себя не только лексическую, но и грамматическую, и лексико-грамматическую сочетаемость, а также прагматику (ср. Fragile! vs. *Осторожно, стекло!*). Соответственно, предупреждение, что «соблюдение узуса требует от переводчика особой бдительности», может быть уточнено: требует *знания* об особо важном свойстве языка – требовании идиоматичности выражения заданного смысла в речи, делающей речь (и текст перевода) и «правильной», и естественной.

Помимо знания словаря, грамматики и семантики, которые входят в понятие языковой компетенции носителя языка, в него входят и знания о **прагматике** языка – особенностях и закономерностях его использования в речи. В прагматическом отношении минимальной единицей речи является высказывание. В отличие от единиц языка, оно обладает не только формой и значением, но еще и коммуникативным намерением/ смыслом/ целью (иллокутивной силой), которое непосредственно связано с коммуникативной ситуацией. При этом важно, что одно и то же высказывание в различных коммуникативных ситуациях может выражать различные коммуникативные намерения/ смыслы, а одно и то же коммуникативное намерение может быть выражено разными средствами/ способами/ высказываниями.

Таким образом, всякое высказывание в речи имеет прагматический (коммуникативный/ ситуативный) смысл; возможность выразить один и тот же коммуникативный/ ситуативный смысл разными языковыми средствами, а также способность одних и тех же языковых средств выражать разные коммуникативные смыслы/ намерения является важнейшей характеристикой любого естественного языка, проявляющей его универсальность, гибкость и асимметрию. При этом важно, что в каждом языке сложились свои, наиболее типичные способы выражения заданного коммуникативного смысла, которые относятся к области **идиоматичности речи**. Знание соответствующих устоявшихся, общепринятых и т.д. средств выражения заданного (коммуникативного) смысла в языке оригинала и перевода, и их межъязыковых соответствий – коммуникативных и ситуативных, является важнейшим условием адекватности перевода.

Кроме того, в современной семантике выделяется такое явление как «прагматический компонент значения». Он включает в себя аксиологические, ассоциативные и коннотативные компоненты (в толковании языковой единицы). Соответствующее явление проявляется чаще всего в невозможности использования в переводе словарного эквивалента слова оригинала, т.е. определяет невозможность пословного перевода. Таковы обычно переносные значения многозначного слова, которые

более идиоматичны, чем прямые, и потому в большинстве случаев исключают пословный перевод.

В целом межъязыковые соответствия распадаются на следующие противопоставления: однозначные (константные) межъязыковые соответствия – неоднозначные межъязыковые соответствия, словарные межъязыковые эквиваленты/соответствия – контекстуальные межъязыковые соответствия, устойчивые межъязыковые соответствия – условные межъязыковые соответствия (приемы передачи различных отклонений от нормативной речи: диалектизм, жаргонизм, речи иностранцев и т.п.), коммуникативно равноценные высказывания (межъязыковые соответствия) – ситуативно равноценные высказывания (межъязыковые соответствия), и др.

5. Языковая способность (носителя языка) и переводческая компетенция.

6. Переводческие трудности и проблемы. Переводческие проблемы можно сформулировать в явном виде следующим образом: 1) Между языковыми средствами языка оригинала и языка перевода отсутствуют однозначные соответствия, поэтому перевод, полностью идентичный оригиналу, невозможен. 2) Однако в любом языке можно выразить любую мысль, причем несколькими, синонимичными способами. 3) Выбор средств в языке перевода, наиболее адекватно выражающих заданную в оригинале мысль, представляет собой главную творческую проблему перевода. 4) Какие бы средства ни были выбраны переводчиком для передачи смысла оригинала, они или будут нести некоторую дополнительную информацию, и/или не передадут весь объем выраженной в оригинале информации, или заменят некоторую информацию на некоторую другую: более общую, частную или аналогичную. 5) Перевод всегда «асимметричен» оригиналу: и по форме, и по содержанию, уже хотя бы потому, что в каждом языке есть смыслы, выражение которых обязательно, или которые не имеют специальных средств выражения.

При этом в явном виде проявляется нетривиальность переводческой деятельности. Ведь извлечение смысла из речи – обязательное условие ее понимания, требующее одних умственных усилий, а выражение ее на другом языке так, чтобы она была понятна получателю перевода – обязательное условие качества перевода, требующее других умственных усилий, в частности, учета фоновых знаний адресата перевода (которые можно назвать «**учет фактора адресата**») и мн. др.

Кроме того, во-первых, понимание текста оригинала переводчиком носит особый характер, который можно назвать «**профессиональное понимание/ анализ текста оригинала**». Во-вторых, умение профессионально анализировать текст свойственно целому ряду специальностей: редакторам (занимающимся «улучшением» текста), информационным работникам (занимающимся «сокращением» текста: его аннотированием, реферированием и т.п.), дидактикам (занимающимся адаптацией текста в учебных целях), критикам, рецензентам, комментаторам и т.п. (занимающимся разбором, интерпретацией, осмыслением и оценкой текстов) и т.д. В-третьих, все эти виды специальной/ профессиональной деятельности направлены на «преобразование» исходного текста. Установление и обобщение их особенностей позволяет более точно описывать и процесс перевода. В-четвертых, сущность профессиональной обработки текста специалистами такого рода можно охарактеризовать как «специальный/ содержательный анализ текста с целью его преобразования», важнейшей отличительной чертой которого выступает необходимость анализа соотношения смысла текста и средств его выражения [Рябцева 1986, 94–97]. В-пятых, в дидактике перевода это явление не совсем удачно называется «предпереводческий анализ текста» или «интерпретация текста»; более соответствующим этому явлению названием, позволяющим раскрыть его специфику, представляется понятие **метапонимание текста**.

Таким образом, метапонимание текста составляет обязательный компонент специальной/ профессиональной речевой деятельности, которое заключается в осознании и характеристике мысли автора и средств ее выражения, т.е. в **рефлексии** субъекта специальной речевой деятельности над объектом этой деятельности [Рябцева 2005], и, кроме того, подразумевает владение специальной/ профессиональной информацией – **метаинформацией**: лингвистическими и экстралингвистическими (предметными) знаниями, позволяющими сознательно эксплицировать мысли автора, содержащиеся в тексте имплицитно. Смыслом метапонимания текста переводчиком в процессе его профессиональной деятельности является установление сложных для перевода случаев – выявление переводческих проблем, важнейшая из которых заключается в неоднозначности перевода – в возможности **нескольких переводческих решений** [Рябцева 1986, 107]. Соответственно, в практике (и теории) перевода особую роль играют случаи **однозначных межъязыковых соответствий**, которые бывают разных типов и видов.

7. Язык и его лингвистическое описание в межъязыковом аспекте. Мысль о потенциальных возможностях языка в выражении заданного смысла в общем виде и в терминах модели «Смысл – Текст» формулируется следующим образом: «один и тот же смысл можно выразить в (любом) языке несколькими разными (**синонимичными**) способами». Из этого положения следует, что если в языке перевода данную мысль нельзя выразить средствами, наиболее точно соответствующими тем средствам, при помощи которых она выражается в оригинале (в частности, пословно, при помощи словарных межъязыковых эквивалентов), то ее можно выразить другими способами, не менее адекватно передающими ее содержание и прагматический смысл (т.е. при помощи контекстуальных межъязыковых соответствий, ср. «Береженого Бог бережет» – англ. God helps those who help themselves; Better to be safe than sorry).

При этом в тексте перевода любая информация, в том числе и прагматическая, содержащаяся в тексте оригинала, должна быть не только сохранена, но и выражена **идиоматично**, т.е. средствами, обычно/ типично/ стандартно используемыми для ее выражения в языке/ речи перевода. Наиболее типичным средством воплощения прагматической информации выступает иллокутивная сила высказывания, его коммуникативный смысл. Это лингвистическое понятие имеет большую объяснительную силу по отношению к широкому кругу переводческих проблем, позволяя описывать их единообразно и комплексно, в частности, в виде указанного выше противопоставления «коммуникативно равноценные высказывания (межъязыковые соответствия) – ситуативно равноценные высказывания (межъязыковые соответствия)».

Причем в таких случаях часто соответствующая оригиналу фраза в переводе почти не является переводом (ср. That's a pretty thing to say! – *Постыдился бы!*). Подобные **контекстуальные** соответствия можно определить еще и как **коммуникативные аналоги/ прагматемы** (в терминологии И.А.Мельчука). Их важной особенностью является их коммуникативное тождество; такие соответствия в большинстве случаев не отражены в двуязычных словарях, и устанавливаются переводчиком на основе «коммуникативного опыта», которым он обладает как носитель языка перевода. Его профессиональные знания при этом должны включать положение о том, что соответствующие выражения следует **не столько переводить**, сколько использовать при переводе текста коммуникативно **равноценные** им выражения/ высказывания/ аналоги, идиоматично передающие заданный коммуникативный смысл в языке перевода.

Общие правила установления таких межъязыковых соответствий состоят в следующем: то, что (типично/ идиоматично) говорят носители языка оригинала в данной коммуникативной ситуации, следует передавать **аналогично**: так, как (типично/ идиоматично) говорят в данной коммуникативной ситуации носители языка перевода, т.е. использовать **коммуникативно равноценные межъязыковые аналоги**.

Важным аспектом в межъязыковом отношении выступает тот факт, что одна и та же предметная ситуация в разных языках описывается/ концептуализируется (обычно, стандартно и потому идиоматично) по-разному. Причем и в данном случае межъязыковые соответствия представляют собой разные, но синонимичные (в широком и межъязыковом смысле) способы описания одной и той же ситуации. В большинстве случаев такие «разные описания» будут в большей или меньшей мере синонимичными друг другу. Причем каждое из таких синонимичных выражений описывает соответствующую ситуацию идиоматично: так, как это принято в данной культуре. Так, русские переводы англ. выражений (из романа Дж.Джерома «Трое в одной лодке») *You are not fit to be in a boat* и *He is the last man to betray a fiend* – *Тебя нельзя пускать в лодку* и *Уж он то друга не предаст* описывают соответствующие ситуации идиоматично и являются потому межъязыковыми синонимичными средствами выражения заданного смысла и представляют собой естественный и потому (для данного языка) *идиоматичный* способ описания ситуации, являясь **ситуативно равноценными межъязыковыми соответствиями/ аналогами**.

Следует подчеркнуть, что именно межъязыковая ситуация позволяет в полной мере осознать нормативность, стандартность, устойчивость и тем самым **идиоматичность** (в широком смысле) соответствующих выражений в каждом из языков и их межъязыковую **синонимичность**: ведь они описывают одну и ту же ситуацию, но их нельзя перевести на другой язык пословно. Такие межъязыковые соответствия можно также назвать «**устойчивые/ идиоматичные межъязыковые соответствия-синонимы**», что подразумевает выделение понятия/ явления **межъязыковые синонимы**. Большинства таких межъязыковых соответствий нет в двуязычных словарях, и поэтому их поиск/ установление требует «переводческого мышления», представляет собой творческий процесс, а в практике преподавания перевода требует специального внимания и знания, как и в процессе оценки качества перевода.

При этом если ситуация, описанная в оригинале, в языке перевода в норме/ идиоматично описывается *одним*, строго определенным способом/ выражением, то следует использовать только его, независимо от того, насколько расходятся средства выражения соответствующего смысла в языке оригинала и языке перевода. Такие соответствия можно назвать **однозначные синонимичные идиоматичные межъязыковые соответствия**. Их использование делает перевод адекватным оригиналу, ср. *Fragile!* – *Осторожно, стекло!*

Итак, особым видом противопоставления «коммуникативно равноценные межъязыковые соответствия – ситуативно равноценные межъязыковые соответствия» являются «**коммуникативные устойчивые межъязыковые аналоги/ соответствия-синонимы – ситуативные межъязыковые аналоги/ соответствия-синонимы**», которые могут быть **однозначными/ неоднозначными синонимичными идиоматичными межъязыковыми соответствиями**.

Таким образом, основные понятия модели «Смысл – Текст»: смысл (текста оригинала и перевода), языковые средства (его выражения в языке перевода), синонимичность и идиоматичность средств его выражения, словарь, грамматика, семантика и прагматика, поэлементный/ пословный перевод, идиоматичный перевод, позволяют уточнять, классифицировать и систематизировать разнообраз-

ные типы и виды межъязыковых соответствий, которые тем самым описывают еще и способы решения переводческих проблем – переводческие решения.

8. Переводческие решения и их лингвистическое описание. Отсутствие единого аппарата описания переводческих решений и межъязыковых соответствий не дает возможности обобщать соответствующие закономерности и единообразно объяснять переводческие решения, тогда как использование понятий модели «Смысл – Текст» позволяет их системно описывать следующим образом. В большинстве случаев поэлементный/ пословный (и тем более дословный) перевод с одного языка на другой невозможен. Поэтому в процессе перевода следует переводить выражение/ оборот/ высказывание (и т.д.) не пословно, а «рекурсивно». При этом в тексте перевода заданный в оригинале смысл должен быть выражен синонимичными средствами и идиоматично: так, как это принято/ обычно делается/ допустимо в языке перевода, т.е. в соответствии с внутриязыковыми правилами (грамматической, лексико-грамматической, лексической, синтагматической, семантической и прагматической) сочетаемости лексико-грамматических единиц. Это объясняется тем, что сочетаемость всех языковых элементов лингвоспецифична: в каждом языке диктуется своими внутриязыковыми правилами.

Дословный/ пословный перевод (чаще всего) нарушает нормы языка перевода, так как выражает заданный в оригинале смысл неидиоматично (и потому стилистически некорректно). Для выбора средств выражения в переводе необходимо определить средства, которые в норме/ типично/ стандартно/ естественно и потому идиоматично описывают указанную в оригинале ситуацию (передают тот же смысл), и так, чтобы эти средства были синонимичными (в широком смысле) средствам выражения заданного смысла, использованным в оригинале.

Соответствующие синонимичные и идиоматичные средства языка перевода могут быть как предельно близкими тем, что используются в оригинале, так и предельно отличающимися от них, или же располагаться между двумя этими полюсами. Отсюда следует, что один и тот же смысл может быть выражен различными способами; что выбор между этими способами составляет переводческую проблему, решение которой носит творческий характер, что переводческих решений одной и той же переводческой проблемы может быть несколько, и что решение таких проблем представляет собой сущность творческого переводческого мышления и переводческой деятельности.

При этом необходимость именно идиоматичного выражения смысла в каждом языке делает пословный (поэлементный) перевод на другой язык в большинстве случаев невозможным. И если фразу нельзя перевести на другой язык пословно/ буквально, то (идиоматичные) средства выражения (заданного в оригинале смысла) в переводе будут в большей или меньшей мере отличаться от (идиоматичных) средств его выражения в оригинале, т.е. структура высказывания в оригинале и переводе могут не совпадать, так как, согласно модели «Смысл – Текст», синонимичными средствами выражения считаются все, что (идиоматично) выражают заданный смысл, в том числе и конверсивы, ср. *Профессор принимает экзамен у студентов – Студенты сдают экзамен профессору*. Так что идиоматичность средств выражения заданного (в любом языке/ выражении) смысла предопределяет невозможность пословного перевода, а синонимичность средств выражения определяется передаваемым ими смыслом.

Перевод в целом должен передавать заданный смысл (быть эквивалентным оригиналу по смыслу), и звучать так же естественно/ идиоматично, как оригинал, т.е. выражать его адекватными средствами: аналогичными/ синонимичными средствами языка оригинала. Поскольку все элементы перевода должны быть связаны

между собой идиоматично, то объектом перевода может выступать только вся фраза/ весь текст в целом, а не отдельные ее/ его элементы. Эта специфика перевода может быть названа **«рекурсивная идиоматичность (текста перевода)»**: когда каждый последующий элемент идиоматично связан как с предыдущим элементом, так и с последующим.

9. Пословный перевод и словарь. 10. Пословный перевод и его «антагонист». Понятие пословного перевода, видимо, как самоочевидное, в современной теории перевода специально не рассматривается. Между тем, пословный перевод представляет собой не просто один из способов перевода, позволяющий добиться определенной эквивалентности текста перевода тексту оригинала. Это **самый простой способ перевода**, а также явление, позволяющее квалифицировать результат перевода, особенно с точки зрения его профессиональности. Поэтому он оказывается исходным, важнейшим и предельно показательным явлением в процессе и результате перевода, дающим возможность построить цельную систему переводческих (и переводоведческих) понятий. Это объясняется тем, что понятие пословного перевода основано на понятии словаря – главного компонента в описании языка.

Поскольку пословный перевод – это когда (каждое) слово оригинала переводится своим словарным эквивалентом и независимо от контекста, то исходным понятием в его описании выступает значение слова (в словаре), также, как и при определении более узкого понятия **буквального/ дословного** перевода, который представляет собой перевод, в котором использовано не просто словарное значение слова, а его **первое** словарное значение (эквивалент).

Так, пословный перевод может быть *эквивалентным* оригиналу по *смыслу* и *адекватным* по средствам (его) выражения, если использование межъязыковых *словарных* соответствий в нем не нарушает нормы (лексико-грамматической) *сочетаемости* и правила коммуникативной организации высказывания, действующие в языке перевода. Однако в большом количестве случаев пословный перевод связного текста/ дискурса невозможен.

В целом на уровне словаря существуют три причины, препятствующие пословному переводу. Первая и самая исходная из них – отсутствие словарного эквивалента (иноязычного слова) в двуязычном словаре. Это самый простой и показательный случай, показывающий невозможность пословного перевода, и тем самым свидетельствующий о творческом характере переводческой деятельности. Так, когда данного слова нет в двуязычном словаре, т.е. лексическая единица языка оригинала не имеет межъязыкового словарного соответствия в языке перевода, то в этом случае чаще всего используется описательный перевод, а также транслитерация, калькирование, транскрипция и т.п., ср. *abolitionist* – *сторонник отмены рабства* vs *аболиционист*. Чаще всего эта проблема обсуждается как **«безэквивалентная лексика»**.

Вторая причина связана с тем, что между значениями словарных межъязыковых эквивалентов чаще всего отсутствуют однозначные соответствия. Здесь особо выделяются два случая. Первый – когда одному слову языка оригинала в данном значении, т.е. одной лексеме соответствует в двуязычном словаре два и более слов (лексем) языка перевода. Это говорит о том, что объемы значения слова языка оригинала и его межъязыкового словарного эквивалента не совпадают, т.е., в терминах модели «Смысл – Текст», когда в толковании их значений имеются различия, а именно: значение слова в языке оригинала шире, чем значения его словарных межъязыковых эквивалентов. Второй случай – обратный (ср. *плавать* – *swim, sail, float, drift* vs *meal* – *завтрак, обед, ужин*). И в том, и в другом случае

выбор словарного эквивалента производится с учетом контекста, и поэтому соответствующее слово нельзя перевести «пословно»: независимым от контекста эквивалентом.

Отсутствие однозначных словарных соответствий между лексическими единицами языка оригинала и языка перевода свидетельствует о **неравнозначности** соответствующих лексических единиц (точнее, лексем) в сопоставляемых языках и тем самым о существовании (и тем самым возможности выделения) **неравнозначных межъязыковых словарных эквивалентов**, или просто неравнозначных эквивалентов. Так что соответствующую проблему можно назвать «**неравнозначная лексика**».

Однако самой распространенной является ситуация, когда оба указанных случая совмещаются. Это происходит в связи с тем, что большинство лексических единиц в словаре (любого языка) многозначно. В результате словарные значения слов (их количество и «качество»/ толкование в *одноязычном словаре*), которые являются переводами друг друга в *двуязычном словаре*, и образуют, тем самым, **словарные межъязыковые эквиваленты/ соответствия**, чаще всего (полностью) не совпадают. «Соответствие» при этом обозначает самостоятельную лексическую единицу, значение которой (в большей или меньшей степени) совпадает со значением лексической единицы языка оригинала.

С точки зрения устройства языка и закономерностей в установлении межъязыковых **словарных** соответствий все три выделенные ситуации можно описать как «**межъязыковая многозначность**»: слову/ лексической единице (в каждом значении, т.е. лексемам) одного языка соответствует несколько слов/ лексических единиц (лексем с аналогичным значением) в другом языке. Решение соответствующей переводческой проблемы – **разрешение межъязыковой многозначности**, заключается в установлении в контексте слова, наиболее тесно связанного с данным по смыслу, и перевод всего выражения целиком, т.е. представляет собой невозможность пословного перевода и необходимость разрешения межъязыковой многозначности на основе контекста.

Так, в случае с «плавать» решающим фактором, влияющим на переводческое решение, выступает субъект действия: если это человек (или другое одушевленное существо), то выбирается первый эквивалент, если плавающее средство – то второй, и т.д. В результате проявляется **идиоматичность** использования каждого из соответствующих глаголов в английском языке. Она предопределяется сложившимися в языке правилами осмысления соответствующих явлений (их концептуализацией) и отражающими их сочетаемостными особенностями каждого из этих глаголов, точнее, ограничениями на их сочетаемость с определенными субъектами действия.

При этом пословный перевод приводит к стилистическим ошибкам, когда не выполняется главное требование к тексту перевода – идиоматичность выражения заданного смысла, ср. He belonged to a new race of scientists – ?*Он принадлежал к новой расе ученых*. Чаще всего пословный перевод оказывается неадекватным оригиналу в связи с тем, что межъязыковые словарные (лексические) соответствия (фиксируемые в двуязычном словаре) возможны только между отдельными значениями (многозначных) лексических единиц, причем в каждом из своих значений данная лексическая единица имеет сочетаемостные ограничения.

Неравнозначным словарным эквивалентам противостоят (и образуют с ними систему) **равнозначные словарные межъязыковые соответствия**, или эквивалентные соответствия. К ним относятся имена, названия, термины и т.п. **Равнозначные/ эквивалентные словарные соответствия** чаще всего бывают **однозначными**:

их значения полностью совпадают. Соответственно, в межъязыковом отношении и потому в переводе особо выделяется так называемая «**равнозначная лексика**». Она образует постоянные, «константные», инвариантные, абсолютные, полные, контекстно независимые межъязыковые соответствия. И хотя «равнозначная лексика» занимает в двуязычном словаре крайне незначительное место, именно она является «катализатором» процесса перевода и значительно его облегчает [Рецкер 1974, 11]; ср. House of Commons – *Палата общин*, oxygen – *кислород*.

Третья причина – когда ни один из словарных (межъязыковых/ переводных) эквивалентов данного (многозначного) слова не подходит по контексту. Чаще всего это вызвано тем, что в исходном тексте использовано **устойчивое** выражение/ оборот/ словосочетание (и т.п.), которое обычно/ стандартно/ общепринято/ идиоматично выражает в языке оригинала соответствующий смысл. В языке перевода этот смысл также чаще всего выражается устойчивым оборотом/ сочетанием, так что соответствующие средства языка оригинала и языка перевода образуют **контекстуальные межъязыковые соответствия/ обороты/ словосочетания/ выражения**. Такие соответствия бывают разных типов и видов: от простых (двусоставных) словосочетаний, которые нередко становятся **устойчивыми межъязыковыми соответствиями** и помещаются в **словарь**, до полного предложения/ высказывания, ср. She slammed the door in his face – *Она захлопнула дверь у него перед носом*.

Соответственно, **устойчивые межъязыковые соответствия** могут быть **словарными и контекстуальными**.

Таким образом, на уровне словаря существует три главные причины, по которым невозможен пословный перевод: отсутствие слова в словаре; наличие нескольких словарных эквивалентов, из которых необходимо сделать выбор на основе контекста (одному слову языка оригинала соответствует несколько слов языка перевода); невозможность использования в переводе (прямого) словарного эквивалента данного слова (когда (ни один) словарный эквивалент не подходит) и потому необходимость поиска контекстуального словарного эквивалента.

Последний случай отражает самую важную и самую трудную переводческую проблему. Ее сущность объясняется **ограничениями на сочетаемость** переводных эквивалентов. Поэтому **поиск варианта перевода, вписывающегося в контекст**, когда **словарные соответствия** не могут быть использованы, представляет собой наиболее творческий момент в переводческой практике.

В целом в качестве главной переводческой проблемы можно назвать невозможность пословного перевода. Причем сама эта невозможность вызвана: 1) несовпадением значений лексических/ словарных межъязыковых эквивалентов; 2) различными способами (идиоматичного) описания одной и той же ситуации в языке оригинала и в языке перевода; 3) возможностью описания одной и той же ситуации в (любом) языке разными способами, а также предпочтительностью одной из них в речи. В качестве самой трудной и потому творческой переводческой проблемы можно назвать поиск контекстуального **идиоматичного** межъязыкового соответствия.

11. Переводческие «трансформации» и закономерные межъязыковые соответствия. Описание процесса перевода (и тем самым решения переводческих проблем) как трансформации текста оригинала в текст перевода, или как использование «переводческих трансформаций», упрощает сущность переводческой деятельности. Главным упущением при этом выступает невозможность охватить случаи, когда оригинал и перевод никак нельзя назвать трансформацией одного текста в другой. Так, эквивалентность и адекватность межъязыковых соответствий типа Fragile! – «Осторожно, стекло!» достигается использованием при переводе средств, типично/ стандартно и потому идиоматично выражающих в язы-

ке перевода заданный в оригинале смысл/ описывающих данную предметную ситуацию, и которые нельзя «получить» какими бы то ни было «трансформациями».

Кроме того, представление о переводе как трансформации текста оригинала в текст перевода опирается на понятия замены (слов одного языка на слова другого языка) и «модификации» значения слова оригинала: генерализация, конкретизация или модуляция. На самом деле эти три типа переводческих «преобразований» описывают соотношение межъязыковых **соответствий: словарных и контекстуальных**, которые позволяют более последовательно описывать процесс перевода.

Так, контекстуальные межъязыковые соответствия распадаются на **лингвистически обусловленные**, т.е. соответствующие правилам **сочетаемости** в языке перевода (как в случае с «плавать»), и **ситуативно/ предметно/ экстралингвистически обусловленные**, т.е. являющиеся **синонимичным** способом в языке перевода в описании заданной в оригинале ситуации (как в случае с *Fragile!*). При этом нередко выбор контекстуального соответствия обусловлен действием обоих факторов – и лингвистическим, и ситуативным контекстом (как в случае с «захлопнуть дверь перед носом»), так как подчиняются требованию идиоматичности в широком смысле выражения заданного смысла.

Так, часто одна и та же (предметная, экстралингвистическая) ситуация в языке оригинала и перевода (идиоматично) описывается по-разному. При этом способ номинации/ описания одного и того же явления/ ситуации в разных языках может не совпадать даже на уровне лексики, ср. *теща, свекровь* – *mother-in-law*; *шурин, деверь* – *brother-in-law*. В общем случае можно сказать, что для того, чтобы корректно перевести данное слово, его следует переводить вместе с контекстом его употребления. При этом перевод всего контекста/ выражения/ высказывания/ фрагмента текста требует установления смысла описываемой в оригинале ситуации и выбора наиболее подходящего варианта ее описания в языке перевода – выражения, идиоматично передающего тот же смысл/ описывающего ту же ситуацию в языке перевода, и соответствующего данному контексту (по стилю, жанру и т.п.). Такой вариант перевода можно назвать **ситуативно равнозначным (контекстуальным/ речевым) соответствием**, или просто контекстуальным соответствием.

Таким образом, различение понятий (межъязыковой) словарный эквивалент слова, контекстуальный (межъязыковой) эквивалент слова, ситуативно равнозначное межъязыковое соответствие, пословный перевод, идиоматичный перевод, средства описания ситуации показывает, что в процессе перевода не производится замена слов одного языка на слова другого языка (т.е. пословный перевод), или их трансформация и преобразование, а происходит 1) разрешение межъязыковой многозначности (выбор переводного эквивалента из ряда возможных/ заданных в словаре), или 2) выбор контекстуального межъязыкового соответствия для выражения в тексте оригинала, или 3) использование средств, типично описывающих в языке перевода заданную в оригинале ситуацию, т.е. ситуативно равнозначного соответствия.

При этом соотношение **словарных и контекстуальных межъязыковых соответствий** в общем виде должно составить отдельную тему в преподавании перевода. В ее экспликацию входит как указание на соотношение значений межъязыковых словарных эквивалентов: прямые и переносные значения, объемы значений, коннотации и т.п., так и представление о синонимических средствах языка, описывающих одну и ту же (предметную) ситуацию. Исходным положением при этом должно служить указание на особенности **словарного значения слова**: его многозначность, соотношение значений и т.п. (ср. *money sing.* – «деньги» *pl.*), а также указание на особенности **контекстуального значения слова** и идиоматичность средств

описания предметных ситуаций. В такое представление процесса перевода естественно вписывается и понятие «грамматических трансформаций», которые на деле обозначают случаи использования в переводе выражений, которые типично употребляются для описания заданной ситуации в языке перевода.

Соответственно, использование в качестве межъязыкового соответствия выражения, которое отличается от исходного грамматически, совершенно правомерное, закономерное и естественное явление, а его объяснение совпадает с объяснением подавляющего большинства случаев, в которых при переводе используется «**асимметричное**» в каком-либо отношении выражение: в грамматическом, лексическом, стилистическом, прагматическом и т.д. отношении.

Так что лексика, грамматика, синтаксис и т.д. не «преобразуются» в переводе и не «заменяются»: в нем используются синонимичные выражения, в которых заданный смысл выражен средствами, отличными от исходного выражения грамматически, лексически и т.д. Аналогично и при «антонимическом переводе»: в нем утвердительная форма (предложения) не «заменяется» на отрицательную, а в качестве межъязыкового соответствия используется синонимичное выражение, в котором заданный в оригинале смысл выражен «от противного», антонимически, ср. *She is not unworthy of your attention* – *Она вполне достойна вашего внимания*. При этом в качестве межъязыкового соответствия может быть выбрано такое, в котором отрицательный смысл выражается явно, грамматически, тогда как в оригинале он выражен имплицитно – лексически, в виде «внутреннего» отрицания, ср. *exclude (from membership)* – *не принимать (в свои ряды)*.

Отдельной задачей при этом выступает **характеристика синонимических средств в межъязыковом аспекте**, которая заключается в том, что средства выражения одного и того же смысла/ описания одной и той же ситуации в разных языках могут отличаться грамматически, лексически, синтаксически, стилистически, прагматически и т.п., но, тем не менее, являться синонимичными друг другу.

Таким образом, при переводе используется не столько *замена* (слова или грамматической формы), сколько такое *синонимичное* (семантически эквивалентное) исходному соответствию в языке перевода, в котором заданный в оригинале смысл идиоматично выражается другими частями речи. Возможность и часто необходимость использования/ выбора такого соответствия объясняется асимметрией межъязыковых соответствий, нормами языка перевода, т.е. общепринятым способом выражения заданного смысла, и предопределяется способностью любого естественного языка выражать один и тот же смысл несколькими, (грамматически и лексически) разными, но семантически синонимичными друг другу способами, ср. *требование о повышении заработной платы* – *требование повысить заработную плату*.

Главным в данной и всех аналогичных случаях перевода является то, что описание одной и той же ситуации в разных языках может: 1) полностью совпадать; 2) различаться средствами выражения, т.е. лексически, грамматически, прагматически, концептуально и т.п.; 3) иметь несколько способов/ вариантов описания; 4) иметь в каждом языке свой, предпочтительный для разных коммуникативных ситуаций/ стилей (общения) вариант описания; 5) иметь в данном языке только один вариант описания. В последнем случае он должен быть использован в переводе независимо от того, какими средствами и способами данная ситуация описывается в тексте оригинала (и даже независимо от языка оригинала), ср. *кататься на коньках/ лыжах/ санках* – *to skate/ ski/ sledge*.

Таким образом, пословный перевод в большинстве случаев невозможен или нежелателен в общем виде потому, что в таком случае будут нарушены (стилистиче-

ские) нормы языка перевода. Соответствующие нормы заключаются в идиоматичном выражении заданного смысла, т.е. в необходимости в тексте перевода так выражать смысл/ описывать заданную ситуацию, как это принято/ обычно выражается/ описывается в языке перевода, т.е. в соответствии с лингвистическими нормами и экстралингвистическим/ предметным контекстом. Причем в языке перевода средства, идиоматично выражающие заданный в оригинале смысл, могут отличаться от использованных в нем средств грамматически (а также лексически, стилистически и т.п.). Это, в свою очередь, объясняется 1) отсутствием однозначных соответствий между языками (их асимметрией); 2) возможностью выразить один и тот же смысл (в любом языке) разными синонимичными средствами; 3) существованием в (любом) языке предпочтительных средств описания заданной ситуации/ выражения заданного смысла; 4) требованием к правильной речи идиоматично выразить заданный смысл.

В целом сущность процесса перевода можно описать следующим образом. 1) Один и тот же смысл может быть выражен в тексте перевода разными, но синонимичными средствами; 2) профессиональный перевод отличается от непрофессионального тем, что он выполняется не пословно, а **рекурсивно**: так, что каждое последующее слово переводится в контексте с предшествующими; 3) выбор конкретного средства выражения в переводе носит творческий характер и определяется как лингвистическим, так и экстралингвистическим контекстом; 4) в переводе средства выражения должны выразить заданный в оригинале смысл **идиоматично**, причем так, чтобы весь текст перевода был **рекурсивно идиоматичен**; 5) в процессе перевода переводчик часто не столько переводит, сколько ищет/ подбирает наиболее адекватный способ выражения заданного в оригинале смысла так, чтобы точно и идиоматично передать его в тексте перевода.

С лингвистической точки зрения использование понятия «переводческие соответствия» в описании процесса перевода не совсем точно описывает межъязыковую ситуацию: оно не соотносено с центральным лингвистическим понятием «словарь» и связанными с ним понятиями «словарное значение слова», «межъязыковой словарный эквивалент» и др., а также с понятием «смысл» (текста). Так, заданный в оригинале *смысл* может быть выражен в переводе несколькими разными *синонимичными* средствами, в том числе и относящимися к различным языковым уровням, ср. *But he `will go there* – «Но он *обязательно* пойдет туда»; *He has read the book* – «Он *уже* прочел книгу». Иными словами, информация, передаваемая в оригинале лексическими/ грамматическими средствами, может быть выражена в переводе «асимметрично»: грамматически, а не лексически, или лексически, а не грамматически.

Таким образом, понятия «переводческие трансформации» и «переводческие соответствия» не совсем точно отражают процесс и закономерности перевода. Для их более точного описания необходимы такие точные лингвистические понятия, как словарное значение слова, контекстуальное значение слова, словарные межъязыковые соответствия, контекстуальные межъязыковые соответствия, характеристика синонимических средств в межъязыковом аспекте и др.

12. «Переводческие соответствия» и переводческое мышление.

1. Важнейшим исходным понятием в переводческой практике (и потому в теории) выступают **однозначные словарные межъязыковые эквиваленты/ соответствия**, к которым относятся интернационализмы, термины, имена собственные, названия и т.п.: *House of Commons* – *Палата общин*, *oxygen* – *кислород*. Они характеризуются межъязыковой однозначностью. Поэтому исходным и важнейшим профессиональным знанием переводчика выступает осознание того, что однозначные

межъязыковые соответствия: 1) подлежат фиксации в словарях, особенно специальных/ терминологических; 2) называют одно и то же (культурное, географическое, специальное и т.д.) явление; 3) носят «константный» характер: не имеют (чаще всего) иных вариантов именования (и потому перевода), кроме данного общепринятого; 4) их использование в языке перевода не зависит от того, с какого языка делается перевод; 5) составляют фонд обязательных знаний, которыми должен владеть переводчик.

2. Поскольку большинство слов в словаре одного языка не имеет однозначных эквивалентов в словаре другого языка, то такую ситуацию можно описать как межъязыковая многозначность, а соответствующие межъязыковые соответствия – **неоднозначными/ многозначными**. Их существование определяется тем, что большинство слов в словаре любого естественного языка многозначно, причем количество и содержание значений у межъязыковых словарных эквивалентов никогда не совпадают (что предопределяет межъязыковую асимметрию на уровне лексики). При этом любое из значений данного многозначного слова может подвергнуться специализации/ терминологизации, так же как и любой термин может войти в общепотребительный язык и тем самым получить в нем детерминологизированное значение.

Например, многозначное сущ. *barrel* имеет в англ. языке/ словаре как общепотребительное значение, так и два специальных/ терминологизированных. В последнем случае при его переводе следует использовать только его терминологизированное, однозначное межъязыковое соответствие, тогда как в первом случае переводчику предстоит сделать выбор из нескольких возможных вариантов его перевода, поскольку в русском языке ему в данном случае соответствует целый ряд эквивалентов. При этом если перевод общепотребительного слова в контексте чаще всего обозначает его «**перевод вместе с контекстом**», то перевод термина чаще всего осуществляется **независимо от контекста**, но, тем не менее, именно контекст при этом показывает, в терминологическом или нетерминологическом значении употреблено данное слово в тексте. Незнание терминологического значения слова и тем самым его однозначного межъязыкового эквивалента требует обязательного обращения к специальным словарям.

3. Важнейшим понятием в понимании неоднозначных межъязыковых соответствий выступает понятие «**неравнозначная лексика**». Существование словарных межъязыковых соответствий, отраженных в двуязычных словарях, не означает, что значение соответствующей лексической единицы языка оригинала полностью совпадает со значением лексической единицы, являющейся ее словарным эквивалентом. Из этого следует/ это проявляется в том, что слову в данном значении одного языка может соответствовать несколько слов другого языка. Причем даже все вместе они могут и не отражать в полном объеме значение исходной лексической единицы, ср. *importance* – *важность, значение, значимость*. Здесь следует выделить два момента: перевод слова в одном значении и перевод многозначного слова.

Перевод многозначного слова предполагает распознавание его значения и определение возможных вариантов его перевода/ определение необходимости использования его однозначного межъязыкового эквивалента. Причем наличие у слова нескольких межъязыковых соответствий (в словаре) чаще всего означает, что в тексте его нужно переводить вместе с контекстом, например, в составе цельного словосочетания, ср. *to strike* – «бить, ударять, найти, натолкнуться, поражать, сражать, пускать корни, бастовать» и *the striking trade-unions* – «бастующие профсоюзы»; *to consent readily* *охотно согласиться*; *readily demonstrative* *легко доказуемый*.

4. При переводе многозначных, особенно широкозначных лексических единиц часто ни один из их словарных эквивалентов не подходит по контексту. Тогда нужно установить их контекстуальное значение и найти соответствующее ему в языке перевода средство его выражения – его контекстуальный/ идиоматичный эквивалент. Например, в предложении «History has dealt with Hitler; history will deal with all would-be Hitlers» многозначный глагол to deal (with) несет смысл «сделать так, чтобы (Гитлер) перестал существовать» (который он передает в своем третьем словарном значении). Данный смысл идиоматично выражается в русском языке конструкцией «покончить с», которая и может быть использован в качестве контекстуального эквивалента.

Так что несмотря на то, что слово языка оригинала может иметь (в двуязычном словаре) несколько словарных межъязыковых соответствий (в языке перевода), далеко не всегда эти соответствия подходят по контексту. Это, с одной стороны, показывает невозможность в большинстве случаев пословного перевода, а с другой стороны проявляет самое главное свойство правильной речи на любом языке и главное требование к тексту перевода – идиоматичность выражения заданного (в оригинале) смысла. Это объясняется «связанным», обусловленным контекстом значением исходной единицы, что, в свою очередь означает, что она не может быть переведена самостоятельно, а только вместе с контекстом. Поэтому самая важная оппозиция, описывающая процесс перевода, выглядит так: **словарный межъязыковой эквивалент – контекстуальное межъязыковое соответствие.**

Чем более идиоматичен оригинал, тем более идиоматичен может быть перевод (и тем менее в нем будет использовано словарных соответствий). Так, в каждом языке переносные/ образные значения (многозначных слов) более идиоматичны (контекстно избирательны (в смысле [Апресян, 1995, т.1, 150]) и лингвоспецифичны), чем прямые (словарные значения). Поэтому при передаче образного выражения чаще используются не словарные эквиваленты, а контекстуальные.

5. Отдельную тему в рамках неравнозначной лексики занимает **лингвоспецифичная** лексика. Так, в русском языке (словаре) нет слова, значение которого (по своему объему) совпадало бы со значением англ. exposure. При этом особенностью (словарного) значения данного англ. существительного является передача широкой идеи «подверженности внешнему воздействию, особенно природным явлениям». Это его значение в (двуязычном словаре) раскрывается выражениями с более частными значениями, т.е. при помощи целого ряда возможных соответствий: «выставление (под дождь, солнце и т.п.)». Иными словами, данное существительное (в своем основном, первом, прямом словарном значении) **не имеет точного/ однозначного межъязыкового словарного эквивалента** (в русском языке) и *образует в межъязыковом аспекте **неоднозначные межъязыковые контекстуальные соответствия.***

Поэтому данное существительное ни в каком контексте не может быть переведено «пословно»/ «словарно», т.е. независимо от контекста, поскольку только на его основе можно установить, воздействию какого конкретно явления был подвержен объект описания. В данном случае (и всех подобных) при переводе происходит конкретизация описания указанной в оригинале ситуации, что можно назвать приемом уточнения/ конкретизации описания/ сужения смысла. Этот прием заключается не в «замене» (чего на что?) или трансформации (чего во что?), а в использовании *контекстуального межъязыкового соответствия с более узким значением.* Аналогично можно описать случаи соответствий с более широким или аналогичным значением. Все такие соответствия можно назвать **ситуативно равнозначными/ контекстуальными/ речевыми соответствиями.**

Из сказанного, в частности, следует, что **отсутствие однозначных** словарных межъязыковых эквивалентов как свидетельство **лингвоспецифичности** лексики данного языка должно составить отдельную автономную **тему** не только в переводе, но и в лингвистике в целом. Соответствующая лингвоспецифичная лексика является **идиоматичной** в межъязыковом отношении: ее перевод в наибольшей степени зависит от контекста. В этом отношении она противостоит **интернациональной** лексике, терминологии, именам собственным и т.п., перевод которых в наименьшей степени зависит от контекста и даже от языка, с которого выполняется перевод.

Итак, главным препятствием в переводе выступает невозможность пословного перевода, которая вызвана отсутствием однозначных лексических/ словарных и грамматических соответствий между языками, т.е. межъязыковой асимметрией, которая объясняется свойством многозначности большинства языковых элементов и несовпадением/ **неоднозначностью** их значений, а также требованием идиоматичности выражения заданного смысла (в каждом языке), т.е. необходимостью соблюдения лингвоспецифичных в большинстве случаев правил сочетаемости/ употребления языковых элементов. В результате перевод является не (пословной) заменой слов и грамматических форм/ конструкций одного языка на элементы другого языка, а сложным и творческим процессом, в ходе которого переводчик и/ или устанавливает необходимость использования/ поиска единственно возможного варианта перевода, и/ или формирует ряд синонимичных переводных/ межъязыковых контекстуальных соответствий, из которых выбирает наиболее близкий по форме и содержанию оригиналу.

13. Переводческие ошибки и «релевантность информации». В целом переводческие ошибки разделяются на фактические/ смысловые, которые проявляются в переводе как опущение, добавление или искажение смысла оригинала, и на языковые, которые проявляются в использовании неадекватных средств языка перевода для выражения заданного смысла. Первые часто вызваны или невнимательным прочтением текста оригинала, или его непониманием, что свидетельствует о недостаточном владении языком оригинала и/ или предметом описания, вторые – недостаточным учетом требования идиоматичности выражения заданного смысла в переводе. Причем в переводе указанные два типа ошибок чаще всего совмещаются.

При этом в переводоведении довольно широко обсуждается проблема релевантности информации, и отмечается, что нерелевантная информация может быть в переводе опущена, особенно если она представляется (переводчику) несущественной или способной вызвать непонимание у читателя. Представляется, что к понятию нерелевантности следует относиться более строго, особенно в свете современных тенденций к расширению межкультурных связей в рамках общего процесса глобализации.

14. Зарубежные исследования в области теории перевода. Зарубежное переводоведение, несмотря на множество достоинств и достижений, не отличается, тем не менее, системностью терминологии, последовательностью в опоре на лингвистическую теорию и большой объяснительной силой. Так, несмотря на предпринимаемые попытки объяснить эвристические принципы решения переводческих проблем, в большинстве случаев не указывается, что исходным пунктом действий/ размышлений переводчика служит пословный перевод, позволяющий осознать смысл оригинала. При этом когнитивная трактовка творческого компонента в работе переводчика опирается на понятия, которые не образуют единой взаимосвязанной системы и не отражают самого главного в процессе перевода – причин, по которым возникают переводческие проблемы, при этом почти или совсем не исполь-

зуются понятия словаря, языковой способности, типов и видов межъязыковых соответствий и др. Это приводит к довольно умозрительным выводам и недостаточной практической ценности получаемых результатов.

Ценными при этом выступают результаты, получаемые в процессе экспериментального анализа процесса перевода. Так, о наличии переводческой проблемы в первую очередь свидетельствует обращение переводчика к словарям, исправления в тексте перевода и др. Так, первый вариант перевода значительно чаще берется из словаря, чем окончательный, а в целом из словаря берется 1/3 вариантов перевода; причем при переводе на родной язык наблюдается больший разброс предварительных вариантов, чем при переводе на иностранный. При этом почти уже осознана необходимость использования понятия «идиоматичность выражения заданного смысла».

В целом большинство зарубежных исследований в большей или меньшей мере затрагивают такую кардинальную тему в осознании особенностей переводческой деятельности, как интерференция, и тем самым неявно напоминают, что в переводе хороший (особенно художественный) текст всегда проигрывает оригиналу, тогда как стилистически небезупречный текст (газетный, технический) в переводе может и не уступать по качеству изложения оригиналу.

15. Методика обучения переводу и его «теоретические основы». Сложившаяся практика преподавания перевода, с одной стороны, основана в значительной степени на методе «делай как я», предполагающей, что студент почувствует, в прямом смысле, чем хороший перевод отличается от плохого. Это и происходит на деле, поскольку в качестве преподавателей перевода обычно выступают очень хорошие и опытные практикующие переводчики. С другой стороны, она декларирует необходимость использования положений теории перевода, которая не описывает отдельно творческий компонент в деятельности переводчика.

Между тем, центральной и исходной установкой в преподавании перевода должна быть демонстрация того, что перевод представляет собой творческий процесс. Эта демонстрация заключается в объяснении того, что хороший перевод не является пословным, а представляет собой идиоматично, т.е. качественно (лексически, стилистически, прагматически и т.п.) выраженную на другом языке мысль. Этот факт студенты действительно способны улавливать «интуитивно» и так же интуитивно стремятся к аналогичным результатам, однако его экспликация не только выведет «интуитивный способ преподавания перевода» на уровень сознательного научения, но и позволит более эффективно автоматизировать соответствующие навыки. А это, в свою очередь, предопределяет то, что хороший переводчик в норме не может и не должен объяснять свои переводческие решения (и что предельно наглядно демонстрирует сложившаяся методика преподавания перевода).

Творческий характер перевода, в свою очередь, свидетельствует о необходимости владеть им профессионально. Так, профессиональный переводчик отличается «профессиональным владением иностранным языком» и «профессиональным владением родным языком»/ владением (родным) языком на уровне профессиональной (речевой) деятельности. Обе эти способности выводятся из понятия языковой компетенции носителя языка, в которой выделяются две составляющие: активная и пассивная. Они формируются в норме в значительной степени на подсознательном уровне и проявляются в способности: 1) выражать заданный смысл разными *синонимическими* по своему значению средствами и при этом *идиоматично* – в соответствии с *нормами* родного языка; 2) распознавать *смысл* речи независимо от способа его выражения – эксплицитного или имплицитного, и несмотря на *неоднозначность*/ *многозначность* входящих в нее элементов; 3) отличать (грамматически)

правильное и *идиоматичное* выражение *смысла* от неправильного, 4) отличать семантически правильные предложения от семантически неправильных, и семантически связные тексты от семантически несвязных (ср. [Апресян, 1995, т.1, 11–12; т.2., 9]).

В целом они связаны с устройством языка: его словарем и грамматикой, семантикой и прагматикой, с особенностями языковых единиц – их многозначностью и синонимичностью, и т.д., и с правилами их использования – со «стилистическими» и «прагматическими» нормами, которые заключаются в требованиях идиоматичности речи: в ее соответствии ситуации и стилю общения; правилам сочетаемости языковых единиц и т.д. При этом каждый стиль (общения, коммуникации) характеризуется своими отличительными стилистическими средствами, особенно разного рода клише, устойчивыми оборотами, словосочетаниями и конструкциями. В целом все эти средства **идиоматичны** относительно заданного стиля и являются его обязательными атрибутами и идентификаторами.

Обобщая и уточняя соответствующие утверждения относительно стиля и норм общения, можно сказать, что использование языка для построения речи/ выражения смысла/ установления речевого взаимодействия с участником общения всегда определяется *прагматикой* общения. Прагматика имеет коммуникативную составляющую – ситуацию самого общения (место, время, участники, условия и т.п.), отсюда – *стиль* общения, и когнитивную составляющую – фоновые и текущие знания участников общения (о предмете и ситуации общения) и их коммуникативные цели, отсюда – *интенциональность* общения. Стиль общения должен соответствовать его интенциональности и наоборот. Это соответствие проявляется в *идиоматичности* общения – в выборе средств, наиболее адекватно/ оптимально воплощающих прагматику общения – его стиль и интенциональность. При этом идиоматичность языковых средств общения в широком смысле – это их соответствие норме данного стиля общения и ситуации общения. Все это можно назвать необходимостью «профессионального владения родным языком», которое подразумевает не только «умение правильно и грамотно выражать свои мысли на языке перевода», но и профессионально владеть стилем изложения на языке перевода (в том числе и идиоматично выразить мысли).

В формировании переводческой компетенции самым главным в обучении выступает развитие у студентов творческого переводческого мышления, которое основывается на развитии навыков идентификации переводческих проблем и поиске способов их решения. Причем «принципиальная множественность» вариантов перевода предопределяется естественным устройством любого естественного языка, главным свойством которого выступает возможность выразить один и тот же **смысл** разными/ различными **синонимичными** средствами. Это свойство и связано с творческим характером переводческой деятельности, который формируется сознательно и заключается в способности найти из множества возможных вариантов перевода тот, что наиболее адекватно передает заданный в оригинале смысл. При этом «единственно правильный перевод» не может быть создан не только в процессе обучения, но и в практике перевода, так как любой текст по причине наличия нескольких различных синонимических средств выражения одного и того смысла в любом языке можно перевести «разными способами».

Умение понимать текст профессионально подразумевает профессиональное владение языком оригинала и умение выразить заданный в оригинале смысл несколькими равнозначными/ синонимичными способами языка перевода. Переводчик должен чувствовать также необходимость эксплицитировать смысл оригинала для

получателей перевода, используя при этом свои фоновые знания, и потому профессионально владеть культурологической информацией.

В целом можно сказать, что профессиональный переводчик обладает профессиональными знаниями, умениями и навыками идентификации и решения переводческих проблем, а готовить переводчиков должен преподаватель, обладающий умениями объяснять переводческие решения.

16. Контекстуальное значение слова и перевод. Для того чтобы объяснять переводческие решения, необходима, как уже указывалось, система исходных понятий. Важнейшими операциями в процессе перевода выступает распознавание случаев «перевод без вариантов» (имена собственные, названия, термины и т.д.) vs. возможность выражения заданного смысла (в языке перевода) несколькими, различными в лексическом и/или грамматическом отношении способами: в зависимости от контекста/ стиля/ целей перевода и т.п. (например, заголовок, оценка, эпитет и т.п.). Таким образом, важнейшей детерминантой переводческих действий выступает следующее противопоставление: контекстно независимый (словарный) перевод – контекстно связанный (контекстуальный) вариант перевода.

Наиболее простым, распространенным и показательным случаем необходимости поиска контекстуального эквивалента выступают «полувспомогательные» глаголы типа *делать, осуществлять, выполнять* и мн. др., которые получили наиболее точный и полный анализ и описание в модели «Смысл – Текст» в виде понятий лексической функции и лексического параметра, раскрывающих сущность их значения и закономерности их использования (в любом языке). Они позволяют строго и просто объяснять огромный материал относительно установления межъязыковых соответствий. Они касаются также перевода слов, выражающих смысл интенсификации (ср. лексический параметр *Magn* в модели «Смысл–Текст»), а также особенностей других словосочетаний, которые подчиняются принципу идиоматичности выражения заданного смысла в данном языке, отражают закономерности концептуализации различных явлений в нем и потому отличаются лингвоспецифичностью, что и объясняет трудности в их переводе и способы их решения.

Особо следует подчеркнуть необходимость разграничивать значение слова (в словаре данного языка) и его переводной/ межъязыковой эквивалент (в двуязычном словаре), поскольку перевод слова часто требует учета контекста и идиоматичного выражения заданного смысла. Кроме того, большинство слов-эквивалентов в двуязычном словаре различаются (в большей или меньшей степени) содержанием и объемом значения, т.е. являются лингвоспецифичными, и, тем самым, характеризуются различной сочетаемостью. Это, в свою очередь, должно составить отдельную тему в процессе формирования переводческой компетенции студентов.

Профессиональное понимание текста оригинала и профессиональное владение языком оригинала заключается, в первую очередь, в умении распознавать контекстуальные значения всех слов, выражений и предложений оригинала и контекстуальные связи между ними, т.е., разрешать все виды неоднозначности и многозначности на основе контекста: узкого и широкого, лингвистического и экстралингвистического. Соответственно, одним из центральных лингвистических понятий, необходимых для корректной и точной интерпретации переводческой деятельности, выступает «**контекстуальное значение слова**».

Здесь следует подчеркнуть, что контекстуальному значению слова противопоставит словарное значение слова, что понятие «значение слова в словаре» связано с понятием многозначности (**а в межъязыковом отношении – с неоднозначностью**), и что понимание текста предопределяется способностью контекста разрешать многозначность входящих в него языковых единиц. При этом проявляется основной се-

мантический закон, регулирующий правильное понимание текстов адресатом, который гласит: «Выбирается такое осмысление данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов (в значениях языковых единиц) достигает максимума» [Апресян 1995, т. 1, 14]. Это обеспечивается тем, что носитель языка обладает способностью интерпретировать (понимать) текст и владеет главным его правилом: установлением и распознаванием семантической связности текста.

Так, эпитету *яркий* в английском языке может соответствовать несколько слов *brilliant, impressive, graphic, moving, extraordinary* и др. Это говорит о его многозначности, что в значительной степени и предопределяет возможность его перевода несколькими различными способами, и в каждом случае его переводной эквивалент будет определяться контекстом и правилами сочетаемости в языке перевода.

17. Замечания частного характера. Использование слабо определенных понятий и выражений, типа *прагматический потенциал текста, прагматическая адаптация текста, прагматическая адекватность перевода, изучение переводческих соответствий; такие приемы преобразования, как замена* и др. не способствует проникновению в существо процесса перевода. Противопоставление «*переводческой языковой личности нормальной (!) непереводческой личности*» некорректно: переводчик как **профессионал** противопоставляется непрофессиональному переводчику и обычному (а не «нормальному») **носителю языка**. Утверждение о том, что «*Все языки используются для построения сообщений о внеязыковой реальности*» недостаточно точно: сообщения не строятся, а порождаются, речевое общение состоит не только из «сообщений», но и множества других видов высказываний, и они могут касаться любой реальности, в том числе и языковой. Утверждение о том, что «*Общение людей с помощью языка осуществляется весьма своеобразным, сложным путем*» несколько утрировано: «общение людей с помощью языка» это предельно естественное явление, которое в значительной степени осуществляется на подсознательном уровне и потому в норме не составляет проблемы.

18. Металингвистическая типология перевод(овед)ческих понятий. 19.

Выводы.

1. Главным исходным лингвистическим понятием в описании не только переводческой, но и любой другой языковой/ речевой деятельности является понятие словаря. В целом понятие словаря является исходным в описании: 1) естественного языка; 2) любой языковой/ речевой деятельности; 3) межъязыковых соответствий; 4) переводческой деятельности. Это объясняется тем, что понятие словаря прямо связано со смежными с ним исходными понятиями, описывающими устройство естественного языка и его функционирование, ср.: словарь – грамматика, семантика – прагматика. Кроме того, строго определенное в лингвистике понятие словаря порождает строгую систему производных от него терминов: словарное значение слова – контекстуальное значение слова; исходное словарное значение слова – производное значение слова; значение слова в одноязычном словаре (= толкование) – значение слова в двуязычном словаре (= межъязыковой эквивалент). И действительно, ведь именно указание на использование или не-использование словарного эквивалента является важнейшим, самым объективным и наиболее показательным способом описания переводческого решения.

2. Языковая способность носителя языка заключается в овладении (на подсознательном уровне) языком (его «устройством») и его использованием, т.е. в знании словаря, грамматики, семантики и прагматики языка. Переводческая компетенция при этом формируется в значительной степени сознательно и на основе овладения профессиональными лингвистическими знаниями об устройстве языка (его асим-

метрии в семантике, словаре, грамматике и прагматике) и идиоматичности его использования, особенно в межъязыковом аспекте.

3. Основной, исходной операцией в процессе перевода (составляющей сущность переводческого мышления) является «установить контекстуальное значение слова/ словосочетания». Она заключается в подстановке вместо данного слова его ближайшего, причем наименее специального и наиболее широкого по значению **синонима**. При этом его межъязыковой эквивалент должен быть не «переводом» данного изолированного слова на другой язык, а представлять собой типичное/ идиоматичное средство выражения данного значения/ смысла в данном конкретном выражении, т.е. зависеть от того слова, вместе с которым он переводится. Так, в предложении «History has dealt with Hitler; history will deal with all would-be Hitlers» многозначный глагол to deal (with) несет смысл «сделать так, чтобы (Гитлер) перестал существовать» (который он передает в своем третьем словарном значении). Данный смысл идиоматично выражается в русском языке конструкцией «покончить с», которая и может быть/ должна быть использована в качестве контекстуального эквивалента.

4. В языке выделяются следующие, релевантные для описания межъязыковой ситуации типы языковых значений: лексическое значение – грамматическое значение – прагматическое значение; словарное значение слова – контекстуальное значение слова; контекстно независимое значение слова/ словосочетания – контекстно зависимое значение слова/ словосочетания; прямое/ исходное/ словарное значение слова/ словосочетания – производное/ переносное значение слова/ словосочетания.

В межъязыковом отношении выделяются следующие типы (межъязыковых) соответствий: словарные межъязыковые соответствия – контекстуальные межъязыковые соответствия, однозначные (словарные/ контекстуальные) межъязыковые соответствия – неоднозначные (словарные/ контекстуальные) межъязыковые соответствия, устойчивые межъязыковые соответствия – условные межъязыковые соответствия, а также закономерные (словарные/ контекстуальные) межъязыковые соответствия – окказиональные межъязыковые соответствия.

5. Все элементы текста перевода должны быть связаны между собой идиоматично. Эта специфика перевода может быть названа «**рекурсивная идиоматичность (текста перевода)**», которая подразумевает, что каждый последующий элемент должен быть идиоматично связан как с предыдущим элементом, так и с последующим.

20. Заключение

В целом важнейшими предпосылками творческого характера переводческой деятельности являются: 1) **асимметрия** языка оригинала и языка перевода: отсутствие однозначных соответствий между (лексическими, грамматическими и прагматическими) единицами языка перевода и языка оригинала и потому невозможность пословного перевода текста с одного языка на другой; 2) **асимметрия** (любого) естественного языка, которая позволяет использовать одно и то же (**многозначное**) средство для выражения различных смыслов, и потому необходимость устанавливать соответствие между заданным смыслом и средством его выражения; 3) устройством естественного языка: его чрезвычайная гибкость в выражении одного и того же (заданного) смысла, который можно передать различными **синонимическими** средствами, и потому необходимость поиска и выбора соответствующих (**прагматике** общения) языковых средств в процессе перевода; 4) необходимость владеть иностранным языком на профессиональном уровне, что предполагает умение изв-

лекать смысл из любого текста на иностранном языке, независимо от средств и способов его выражения, и соотносить его со средствами его выражения; 5) необходимость владеть (родным) языком на уровне профессиональной (речевой) деятельности, которая заключается в способности порождать правильный/ качественный в языковом и стилистическом отношении текст: отвечающий нормам языка перевода, правилам его (идиоматичной) сочетаемости, соответствующий данной коммуникативной ситуации и выражающий заданный в тексте оригинала смысл. Эти причины и обуславливают необходимость обучения переводу как специальной дисциплине, как профессиональной деятельности.

В целом можно сказать, что **профессиональная переводческая деятельность** складывается из профессионального владения иностранным языком, из профессионального владения родным языком и из профессионального переводческого мышления, которое заключается в умении идентифицировать и решать переводческие проблемы с тем, чтобы создавать на языке перевода текст, эквивалентный оригиналу по смыслу и адекватный по средствам его выражения.

В принципе центральным и самым главным творческим моментом в процессе перевода выступает, выражаясь специальным языком, активизация слабых когнитивных связей: переход лингвистических и экстралингвистических декларативных знаний в операциональное состояние. Этот переход осуществляется при помощи особых стимулов и, по существу, представляет собой не лингвистическую, а когнитивную операцию. Но, тем не менее, ее можно и нужно описывать в лингвистических, точнее, в металингвистических терминах, поскольку перевод с одного языка на другой представляет собой, по определению, лингвистическую деятельность [Рябцева 2009б].

В общем виде переводческое мышление заключается в овладении переводческой компетенцией и включает следующие навыки. 1. Способность извлекать смысл из текста оригинала, независимо от способа (средств) его выражения, и выражать его разными/ несколькими синонимичными способами на другом языке, а также уметь различать их (стилистические/ прагматические) особенности/ характеристики. 2. Способность извлекать из текста оригинала дополнительную информацию, необходимую в переводе (что подразумевает понимание всего текста и наличие фоновых знаний). 3. Способность анализировать средства выражения заданного в оригинале смысла и выбирать (из множества синонимичных) адекватные им средства выражения в языке перевода. 4. Способность оценивать (рекурсивную) идиоматичность выражения смысла в тексте перевода. 5. Способность устанавливать степень смысловой эквивалентности текста оригинала и текста перевода, и адекватность средств выражения перевода средствам выражения оригинала.

Основными исходными понятиями, необходимыми для формирования переводческой компетенции, выступают: устройство языка: словарь, грамматика, семантика, прагматика; смысл, словарное значение слова, толкование, контекстуальное значение слова; асимметрия языка и межъязыковых соответствий, многозначность и синонимичность (языковых средств языка оригинала и языка перевода), словарный (межъязыковой) эквивалент, контекстуальный межъязыковой эквивалент, однозначные/ неоднозначные/ многозначные межъязыковые соответствия, идиоматичность (выражения заданного смысла), языковая способность (носителя языка), профессиональная переводческая деятельность, переводческая проблема, переводческое решение, творческое мышление; пословный перевод – идиоматичный/ нормативный перевод; буквальный/ дословный перевод – вольный перевод.

Литература

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва: «Наука», 1974.
- Апресян Ю.Д. и др. Англо-русский синонимический словарь. Москва: «Наука», 1979.
- Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., Языки русской культуры, 1995, т.1, 2.
- Апресян Ю.Д. (ред.) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва: Школа «Языки русской культуры». Выпуск первый. Выпуск второй. Выпуск третий. М., 1997; 2000; 2003.
- Апресян Ю.Д. О семантической мотивированности лексических функций-коллокатов // Вопросы языкознания. Москва: «Наука». 2008, № 5. 3–33.
- Апресян Ю.Д. и др. Языковая картина мира и системная лексикография. М., «Языки славянских культур», 2006.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., «Международные отношения», 1975.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. М., Языки славянских культур, 2007.
- Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Москва: «ЭТС», 2001.
- Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». Москва: «Наука», 1974.
- Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1984.
- Лубенская С.И. Русско-английский фразеологический словарь. М., «ЯРК», 1997.
- Подольская Н.И. Проблема описания процесса перевода (метод компьютерного моделирования). АКД. М., 1998.
- Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., «Международные отношения», 1974.
- Рябцева Н.К. Информационные процессы и машинный перевод. Лингвистический аспект. М., Наука, 1986.
- Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. Москва: Academia, 2005.
- Рябцева Н.К. Металингвистические знания в теории и практике перевода // Виноградов В.А. (ред.) Проблемы представления (репрезентации) в языке: Типы и форматы знаний. М., ИЯ РАН, 2007. 102–111.
- Рябцева Н.К. Стереотипность и творчество в переводе // Баженова Е.А. (ред.) Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Гос. ун-т, 2008. 12–26.
- Рябцева Н.К. Роль лингвистической терминологии в упорядочении и формализации переводоведческого знания // Шелов С.Д. (ред.) Терминология и знание: Материалы международного симпозиума. Москва: Институт русского языка РАН, 2009а. 189–198.
- Рябцева Н.К. Когнитивное моделирование переводческой деятельности // Cognitive Modeling in Linguistics. Proceedings of the XI-th International Conference. (7–14 September, 2009, Constantza, Romania). Moscow, Kazan, 2009б. 350–368.
- Федоров А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистический очерк). Изд. третье. М., «Высшая школа», 1968.
- Чуковский К. Высокое искусство. М., Советский писатель, 1988.
- Kussmaul, P. Kreatives Uebersetzen. Tuebingen: Strauffenburg, 2000.
- Mel'čuk I. et al. Dictionnaire explicatif et combinatoire du francais contemporain. Recherches lexico-semantique II. Montréal, 1988.

- Mel'čuk I. 1997. *Vers une linguistique Sens–Texte*. Paris.
- Newmark P. *Paragraphs on Translation*. Clevedon, etc., *Multilingual Matters*. 1993.
- Riabtseva N. *Contrastive Phraseology in a Cross-cultural and Cognitive Perspective* // Thelen, M. & Lewandowska-Tomaszczyk, B. (eds.) *Translation and Meaning. Part 5. Proceedings of the Maastricht – Lodz Duo Colloquium, 2000*. Maastricht: Maastricht School of Translation and Interpreting 2001. 365–378.
- Riabtseva N. *Conceptual Blending in Culture-specific Metaphors (A Case Study of Russian and English Idioms)* // *Journal of Philology*, 2003. N. 3. 9–17.
- Riabtseva N. *TRANSLATION STUDIES IN RUSSIA AND BEYOND. PART 1. ANTHOLOGY*. 2008: w.w.w. Iling.ran